

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ЭКСМО

Медвежатник

Евгений Сухов

Король медвежатников

«ЭКСМО»

2003

Сухов Е. Е.

Король медвежатников / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2003 — (Медвежатник)

Париж начала XX века... Сверкающая столица мира – театры, балы, рестораны, роскошные лампы, великосветские щеголи... Но есть и другой Париж – потаенный и опасный. Этот город оживает в сумерках, в нем обитают крупные авантюристы, мастера закулисных махинаций, агенты разведок мира. Именно в этом Париже столкнулись король российских медвежатников Савелий Родионов, неуловимый резидент турецкой разведки Янычар, комиссар полиции Лазар. Они непримиримые противники, но судьба распорядилась так, что им приходится разгадывать одну, общую тайну. В такой игре надо уметь не только просчитывать свои ходы, но и дерзко рисковать. И они делают это... Именно от деда-медвежатника унаследовал Варяг нестигаемую натуру, воровскую честь и умение держать удар...

© Сухов Е. Е., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Пролог	5
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	35
Часть II	49
Глава 5	49
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Евгений Сухов

Король медвежатников

Пролог

Наступил дождливый, сумеречный октябрь, потом резко похолодало и стало ясно – зима в этом году будет как никогда суровая.

Может быть, от рано наступивших холодов, сырых сумерек, порывистого ветра, безжалостно срывавшего с деревьев остатки листвы, Варяг вдруг почувствовал, как тяжело – хронически тяжело – он устал. Усталость копилась много лет, а теперь навалилась неподъемной гранитной плитой – ни сдвинуть, ни выкарабкаться.

Сразу припомнились нелегкие – ох какие нелегкие! – ходки к «куму», изнурительные допросы, промозглый озноб долгих этапов, удушье карцеров, резкие окрики конвоиров, лай лагерных овчарок, синяя тоска бескрайней тайги.

Наверно, с тех пор Варяг недолюбливал лес. Даже этот светлый подмосковный березнячок, окружавший уединенный дом, где он жил в последнее время, казался ему угрюмым и враждебным. Владислав понимал, что это смешно, но в окна, выходящие на рощу, он старался не смотреть. Верней, даже не старался, а просто замечал за собой, что интуитивно не смотрит туда, где среди белых стволов холодно и пронзительно поблескивала голубизна осеннего неба.

Да и дни на воле легкими назвать было трудно. Он – смотрящий по России, казначей общака, коронованный вор, живая легенда криминального мира России, его слово – закон, его власти могут позавидовать многие... Но кто взвесит груз, лежащий на его плечах? Кто знает, чего стоит хрупкий мир среди воров в законе, «крышующих» регионы? Порой Варяг не спал по несколько ночей, разводя сцепившиеся в смертельной схватке воровские бригады. А сколько забот доставлял общак! Мало того, что деньги – и очень немалые! – надо было сохранить, их еще надо было преумножить, выгодно вложить. Здесь незаменимым советчиком Варяга был, к сожалению, покойный ныне Егор Сергеевич Нестеренко, человек с большими связями и с четко выраженным аналитическим мышлением. Пожалуй, никто не разбирался в хитросплетениях нынешней экономики так, как Нестеренко. Он умел делать деньги. Ведь расходы шли колоссальные: и на «грев» бродягам, топчущим зону, и на адвокатов и судей, и на проведение воровских сходняков... Да мало ли на что в их напряженной, короткой и опасной жизни требуется презренный металл.

А в случае чего – с кого спрос? Конечно, с казначея, с главного, с Варяга... Поневоле начнет мучить бессонница, а уж если и заснешь, то без кошмара не обойдешься.

Впрочем, хоть и тяжела «шапка смотрящего», а многие точат на нее зубы. Да что там зубы – настоящие клыки. Многим не терпится наложить лапу на деньги братвы, и тут только держись – голову оторвут, не поморщатся. Конечно, разговор с такими короткий – был человек и нету. Где он? То ли в безвестной могиле в лесной чаще, то ли под асфальтом широкой дороги, бегущей в синюю даль, то ли на дне реки, с цементным блоком на ногах. Тоже, однако, нелегко – приговорить человека, ведь в конце концов Варяг честный вор, а не душегуб, сатанеющий от запаха крови. Такие тоже ворами не в масть, из-за этих отморожков да маньяков менты рогами землю роют, бошки сносят и правым, и виноватым, работать спокойно не дают. Так что порой прямо на удивление менты и воры охотятся вместе, одного зверя ловят, кто быстрее. Даже, случается, помогают друг другу, хоть правильному вору и запахло с ментовкой иметь дело.

Вот такая она, фатовая жизнь смотрящего...

Варяг очнулся от глубоких раздумий. Бесцельно прошелся по кабинету, закурил. Потом, словно повинаясь какому-то импульсу, выглянул в коридор. Тут же навстречу ему шагнул поджарый широкоплечий парень – личный охранник.

– Что-нибудь надо, Владислав Геннадьевич?

Вопрос прозвучал сдержанно и корректно, никакого подобострастия – человек на службе и службу свою знает отменно, в чем Варяг не раз убеждался.

– Да, Сергей. Свяжись, пожалуйста, с Константином Игоревичем и, если он не очень занят, пригласи его ко мне.

– Хорошо, Владислав Геннадьевич, – кивнул охранник.

Константин Игоревич Друщиц, в определенных кругах больше известный как Тарантул, был у Варяга начальником службы безопасности. Этот тоже знал свое дело. Впрочем, других у Варяга и не было. Непрофессионалы быстро выходили из строя, сраженные пулей, пронзенные заточкой или взлетевшие на воздух в собственном шикарном автомобиле. Прошлого Друщица-Тарантула было подернуто глубоким мраком. Но только не для Варяга. О своих людях Владислав знал все – иначе и невозможно: как деньги, так сказать, оперативные деньги, всегда должны быть под рукой, так и надежные люди должны быть рядом...

Так вот, в прошлом Тарантул служил в очень конкретном ведомстве и явно был там не последним оперативником, знал все секреты слежки, сбрасывания «хвоста», умел построить тактику допроса, глубоко, не упуская мельчайших деталей, разработать сложную операцию. Варяг помнил, как Тарантул разделался с «лаврошниками», наехавшими на одного магаданского золотопромышленника, который исправно «отстегивал» в общак и находился под «крышей» Варяга. Тогда заезжие отморозки в полном составе так и остались в вечной мерзлоте, рядом с так нравившимся им золотом. Тарантул не только разработал операцию, но и лично руководил ею, рискуя, между прочим, жизнью.

Варяг знал, как Константин Игоревич пришел в их ряды, но никогда не заговаривал с ним на эту тему. Владиславу достаточно было знать, что Тарантул глубоко и искренне предан ему и не подведет в самой сложной ситуации.

Тарантул объявился часа через полтора после просьбы Варяга.

– Прошу прощения, раньше не мог. Была важная встреча с курганскими ребятами, – извинился он, усаживаясь в кресло напротив Варяга и беспокойно потирая густо поросшие черным волосом руки. Его руки напоминали мохнатые лапы паука, возможно, именно им он и был обязан своим прозвищем. – Что-нибудь случилось?

– Как раз ничего и не случилось, – улыбнулся Варяг. – Вот потому-то я, Костя, тебя и вызвал.

Тарантул удивленно поднял брови.

– Что, если нам с тобой немного отдохнуть? – продолжил Варяг. – Воспользоваться, так сказать, затишьем.

– Очень качественное решение, – тут же расслабился Тарантул. – Давно твержу тебе, что отдыхать надо уметь. А ты все не слушаешь... Заказать билеты на какой-нибудь южный рейс?

– Не угадал, – покачал головой Варяг, усмехаясь горячности своего обычно сдержанного начальника службы безопасности. – Давно собираюсь я, Константин Игоревич, навестить родные края. Что-то надоели мне эти Ниццы да Карибы. – Он вздохнул. – Хочется подышать родным воздухом, вспомнить детство, родных... Дым отечества, знаешь ли... – За ироничным тоном Варяга чувствовалось настоящее волнение.

И Тарантул понял его.

– Владислав, дай мне сутки, чтобы закрыть кое-какие делишки и подготовить твою поездку. Как я понимаю, ты собрался в... – Тарантул назвал город в одной из областей Центральной России.

Варяг снова усмехнулся. Выходит, не он один досконально осведомлен о своих подчиненных, они тоже кое-что знают о смотрящем. Впрочем, Тарантул должен знать это по долгу своей службы. Ведь он в системе – что-то вроде начальника контрразведки, везде шарит своими мохнатыми щупальцами.

– Хорошо, Костя, – кивнул Варяг, соглашаясь. – Я тоже позвоню кой-кому... – Он встал, показывая, что время не терпит.

* * *

В родной город Варяга они приехали ближе к полудню. Два джипа преодолели немалое расстояние от Первопрестольной, прежде чем остановились на центральной площади маленького провинциального городка.

С Варягом был Сергей, два шофера и еще трое телохранителей. Тарантул так и не смог отправиться вместе с ними – дела не отпустили его из Москвы.

Тихие улочки захолустного городка дышали покоем. Казалось, годы пронеслись над ними, не тронув ничего. Владислав ходил по улицам, вспоминал детство, родителей, старых друзей и знакомых. Вспоминал, что рассказывала ему мать про деда. Судьба деда была сложной и интересной, жаль, что тогда Славка не прислушивался к ее словам.

Дом, где они жили, уже снесли, но рядом остался дом соседей. Владислав решил зайти, поговорить, может, кто и вспомнит его семью, да и его самого тоже. Но в доме шел капитальный и, судя по всему, дорогой ремонт. Работяги отвечали односложно, да они ничего и не могли знать.

Разочарованный Варяг вышел со двора на улицу, и тут Сергей обратил его внимание на старушку, сидящую на лавочке у ворот противоположного дома.

– Владислав Геннадьевич, вон та старушка что-то уж очень пристально на вас смотрит. Явно припоминает. Может, поговорите?

Владислав кивнул и перешел улицу. На вид женщине было лет восемьдесят, но глаза ее еще живо поблескивали, да и держалась она бодро.

– Здравствуйте, бабушка, – сказал Владислав, присаживаясь рядом. Сергей скромно отошел в сторону, не забывая при этом зорко оглядывать улицу. – Что-то ваши соседи такой ремонт затеяли? Разбогатели, что ли? – Он улыбнулся, вглядываясь в лицо старушки. Что-то смутно шевельнулось в глубине его памяти.

– Да какие там соседи, – охотно отозвалась старушка, махнув сухонькой ладонью, – от соседей-то один Василий остался. Вот его из дому-то родного и выгнали.

– Кто выгнал? – удивился Варяг. Василия, или дядю Васю, как он его называл в детстве, он хорошо помнил. Василий еще с мальчишек дружил с его отцом и был своим человеком в их доме.

– Есть тут у нас один... – проворчала старушка. – Этот... как их теперь называют... бисмен, что ли...

– Бизнесмен? – подсказал Владислав.

– Во-во, только бандит он, и все. Власть тут большую в городе заимел, никого не боится. Управы на них, иродов, нету. Бензином он здесь торгует. Ну, это для видимости. А так больше обирает всех, никого не жалеет. Дом ему, вишь ты, Василия понравился. Вот он и насел на старика – продай да продай. А купить-то хотел за сущие гроши. Василий ему: не продаю, мол, родовое гнездо. А тот свое. Пугать начал. Прошлым годом баня у Василия сгорела, не иначе этот ирод поджег. Пугал старика-то одинокого. Не знаю, как уж там у них получилось. Вроде как обманом он заставил Василия какие-то бумаги подписать. А потом тут же его и выселил. По документам вроде законно, а по-людски нынче никто не живет. – Старушка обиженно поджала губы.

Варяг озадаченно молчал. Потом, словно очнувшись, спросил:

– И где же теперь дядя Вася?

– Где-где... В Заречье он его отправил. Живет теперь в бараке, болеет. Все собиралась сходить к нему туда, да, боюсь, не дойду. Ноги что-то слабые стали. А ты что же, знал его? – с любопытством спросила старушка, искоса поглядывая на незнакомца.

– Знал... – кивнул Владислав.

– А ты, случаем, не Игнатов? – неутомленно продолжала она свои расспросы.

– Игнатов, – подтвердил Владислав.

– Славка! – всплеснула руками старушка. – Я тебя вот с таких-то годов помню, – показала она ладонью. – А меня-то ты не признал?

– Нет, что-то не могу припомнить... – неуверенно ответил Владислав.

– Завьялова я, Ольга Матвевна. Я, правда, уезжала отсюда, вот ты меня и не запомнил. – Старушка во все глаза рассматривала Владислава. – О тебе тут много чего болтали. Прямо не знаю, верить или нет...

– Вот фамилию вашу я помню. И дядю Матвея припомнил, – улыбнулся Владислав.

– Вот-вот, конечно, помнишь, – обрадовалась старушка. – Тут ведь, почитай, никого и не осталось. Поразбежались кто куда, и наш век подходит. Не знаю даже, жив ли Василий, нет ли... – Она всхлипнула.

– Я попробую отыскать его... – пообещал ей Варяг, вставая.

* * *

Заречье – самый захолустный район города, как это было ясно из его названия, при-
тулился за рекой. И если для Ольги Матвеевны путь туда действительно был неблизок, то
джип Варяга уже через пятнадцать минут остановился в начале улицы, состоящей из порядком
обветшавших барачков.

Найти Василия Кузьмина оказалось нетрудно. Какой-то небритый старичок тут же указал
барак, где теперь проживал дядя Вася, и, получив на опохмелку, радостно удалился.

Сергей вошел в длинный барачный коридор первым. Парень знал свое дело и оберегал
шефа как зеницу ока. Видать, Тарантул проинструктировал его по всей форме. Девочки, играв-
шие в коридоре, указали на обшарпанную дверь, в которую Сергей опять вошел первым.

Владислав сразу узнал дядю Васю, хотя видел перед собой глубокого старика, который,
как-то беспомощно ссутулившись, сидел у окна. Да и старик, едва глянув на них, безошибочно
указал на Варяга.

– Славка... – и ткнулся небритой щекой в его плечо.

Они долго стояли, неловко обнявшись, припоминая каждый свое, далекое и почти забы-
тое. А потом долго говорили, радуясь общим воспоминаниям и печальясь утратам.

Парни Варяга наскоро организовали стол, и захмелевший дядя Вася без усталости вспоми-
нал былое. Когда же Варяг начал расспрашивать его о том, как он оказался в этом полуразру-
шенном бараке, Василий Павлович мрачно и безнадежно махнул рукой.

– Это все Мокеев обстригал. Выставил меня сюда. Видишь, дом мой ему приглянулся,
хочет там коттедж с сауной сделать. Тихо, мол, зелено. Обвел меня вокруг пальца. Я, старый
дурак, и понять ничего не успел. Да, Славка, я ведь тебя ждал. Как знал, что ты приедешь, –
неожиданно сменил тему старик. – Я ведь, когда меня из моего дома увозили, кое-что прихва-
тил с собой. Ну-ка, погляди, вон, под кроватью...

Варяг пошарил и вытащил из-под железной кровати не очень большой старый сундук,
обитый медными полосками.

– Это сундук деда твоего – Савелия, – сообщил ему дядя Вася. – Я его хорошо помню.
Матерый был мужик. Он тогда старый уже был, все писал что-то да в этот сундук складывал.

Смеялся: внукам, мол, на развлечение. Когда ваш дом-то сносили, я этот сундук взял да все берег его. Думал, Славка приедет – отдам. Вот и дождался. Бери дедово наследство, да давай выпьем в его память...

Выпили. Посидели, помолчали, прислушиваясь к шороху деревьев за подслеповатым окном барака.

– Ладно, дядя Вася, ты не горюй. Попробую я разобраться с твоим горем. Может, с Мокеевым этим и договорюсь о чем... – неопределенно протянул Варяг, вставая. – А за память и дедово наследство тебе спасибо. Ладно, бывай, я к тебе еще загляну. Сундук-то я с собой заберу...

Он простился со стариком и вышел в темный ненастный вечер.

* * *

В гостинице Варяг откинул крышку сундука. Он оказался набит битком. Пожелтевшие пачки бумаги, исписанной старинным разборчивым почерком, были аккуратно перевязаны бечевкой и плотно уложены друг на друга. Бумаг было на удивление много – какие-то старинные документы с печатями, тетради... Чьи-то тусклые фотографии... Варяг взял в руки увесистую стопку бумаги, и в глаза ему бросился крупно выведенный на верху первой страницы заголовок:

«ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА».

Варяг сел за стол, включил лампу. За окном завывала осенняя непогода. Он нетерпеливо развязал бечевку и начал читать...

Часть I

Ограбление банка

Глава 1

На приеме у императора

В этот раз государь назначил аудиенцию министру внутренних дел в Аничковом дворце, в кабинете, некогда принадлежавшем его отцу, Александру Третьему.

Самодержец поднялся с глубокого резного кресла, над спинкой которого, победно расправив крылья, возвышался двуглавый орел, и сделал навстречу несколько небольших шагов. Ровно столько, чтобы выразить уважение Святополк-Мирскому, новому министру внутренних дел. Прежний, весьма толковый, Вячеслав Константинович Плеве, известный как сторонник жесткого курса, был убит террористами. Помнится, он любил повторять: «Чтобы победить революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Нынешний, похоже, придерживается не столь радикальных взглядов и пытается примирить волка с ягненком. Впрочем, нужно как следует присмотреться, время на это еще имеется.

Петр Дмитриевич подобострастно тряхнул вялую руку государя и сразу перешел к делу:

– Я предлагаю назначить руководителем парижской агентуры Скрябина Виталия Юрьевича, бывшего морского офицера.

Министр ощущал некоторую неловкость: Николай Второй не предложил ему присесть, что подразумевало непродолжительную аудиенцию. Петр Дмитриевич незаметно огляделся, ему рассказывали о том, что еще сравнительно недавно на столе государя можно было увидеть портрет балерины Матильды Кшесинской.

Стол Николая находился рядом, всего лишь в каких-то двух шагах. Кроме небольшой стопки тетрадей и нескольких книг, на нем в самом деле стояло четыре фотографии в аккуратных рамочках. Но, чтобы удостовериться в навязчивых слухах, мало было вытянуть шею, следовало сделать несколько шагов вперед. Неужели государь держит портрет бывшей любовницы вместе с семейными фотографиями?

Презабавно, однако!

– Припоминаю, – маленькая, ухоженная голова императора слегка наклонилась. – Веселый-а толковый офицер! Таких бы поболее на флот, тогда никакие турки и японцы нам не страшны... Кажется, он был одним из тех, что предложили создать при Морском министерстве отделение внешней разведки.

– Он был вдохновителем и автором этого проекта, – сдержанно уточнил министр.

– Очень талантливый человек! Мне на стол попал его подробнейший доклад с картами и сведениями об иностранных флотах и портах их временного и постоянного базирования. Признаюсь, я был удивлен его информированностью, – заметил государь. – Когда он это успел?

– Хочу заметить, ваше величество, капитан второго ранга Скрябин весьма цельная натура, и если остальные офицеры в свободное время предавались романтическим увлечениям, то он занимался тем, что составлял подробное военно-стратегическое описание Средиземноморья.

– Вот как!

– Он всецело поглощен своей работой. Порой, выполняя ее, вкладывает собственные сбережения.

– Хм... Такое бескорыстие в наше время редкость. Помнится, он был связан с организацией воздухоплавательного дела на флоте. Я ничего не путаю?

– Точно так, – охотно поддакнул Святополк-Мирский. – Скрыбин предлагал наладить постоянное наблюдение за районом плавания с воздушных шаров типа аэростатов, которые базировались бы на кораблях.

– Кажется, эта идея заглохла... Жаль!

Император, заложив руки за спину, прошелся по кабинету. Как бы невзначай, он бросил взгляд в сторону рабочего стола, и министр увидел, как лицо Николая заметно потеплело. Возможно, подобные эмоции и были связаны с балериной Кшесинской.

Его роман со звездой русского балета начинался в то время, когда будущий император служил в должности командира первого батальона лейб-гвардии Преображенского полка. Николай Александрович тогда не чурался веселых дружеских пирушек, где непременно завязывались любовные романтические отношения, – как известно, вокруг высшего дворянства всегда вертится клубок весьма ветреных барышень. Так что будущий государь мог вполне оценить силу своего мужского обаяния. А Малечка Кшесинская уже тогда была весьма раскованной и лишенной всяких предрассудков особой, и будущий царь частенько оставался у нее на ночь. Да и какая женщина способна устоять, если на нее обратил внимание сам наследник престола. Причем их роману не мешали даже родители балерины, которые жили с Матильдой в одной квартире. Можно только догадываться, какие честолюбивые помыслы вынашивал старик Кшесинский, когда цесаревич поскрипывал пружинами в комнате балерины.

Расставались бывшие возлюбленные очень нервно и драматично. Поговаривают, что именно государь был инициатором размолвки. Скорее всего, так оно и было. Между молодыми людьми, несмотря на возможную страсть, пролегла непреодолимая пропасть. В конце концов, Николай Александрович всегда был предан долгу и престижу династии, а уж чтобы связать свою судьбу с легкомысленной танцовщицей, такое можно было увидеть только в дурном самодеятельном спектакле.

– Все дело упирается в средства, – осторожно высказался министр внутренних дел.

– Да, я понимаю, – кивнул Николай, – но сейчас у нас с этим не густо. К этой идее придется вернуться через несколько лет, обещаю! Значит, вы считаете, что он полностью подходит для такого дела? – задумчиво переспросил государь.

– Да, ваше величество. Он очень одаренный человек. Я бы сказал, богом меченный. Знает несколько языков, обладает исключительным даром перевоплощения. Три года назад, прикинувшись крымским татаринком, он работал в Стамбуле толмачом турецкого адмирала и собрал весьма важные сведения об их флоте. В другой раз представился арабским купцом и исколесил все берега Адриатики. Бывал в Китае, выучил их язык. В Японии изучал джиу-джитсу. А однажды, представившись правоверным, даже совершил хадж в Мекку.

– Похвально, – снова кивнул Николай. – Я читал этот отчет. Он утверждает, что турки наращивают военную мощь, но это явно расходится со сведениями нашего посла на Ближнем Востоке Чарыкова. Все эти донесения следует тщательно перепроверить!

Теперь государь стоял немного сбоку, и Святополк-Мирский почтительно развернулся к нему лицом.

– Извините меня, ваше величество, но Чарыков человек не военный, он, конечно, прекрасно разбирается в «паркетной политике» Зимнего дворца и старается говорить то, что вы хотите услышать...

– Хм, – проронил государь.

– ...Но, уверяю вас, действительность иная, Османская империя сейчас необычайно сильна! Скрыбину можно верить. Он ведь был одним из тех, кто налаживал там агентурную сеть.

– Вот как? У вашего протеже есть хоть какие-нибудь недостатки?

– Он равнодушен к красивым женщинам, – честно признал министр.

Император неожиданно весело рассмеялся, тряхнув рыжеватой бородкой:

– Помилуйте, батенька, удивили так удивили! Вы мне найдите хотя бы одного мужчину, который был бы к ним равнодушен!.. Лично я не считаю это недостатком, а даже наоборот: в таком деле, как разведка, умение нравиться дамам – первейшее дело. Ведь они наши ближайшие помощницы!

Петр Дмитриевич улыбнулся:

– Тогда у него нет недостатков.

Государь повернулся и, чуть приподняв красивую голову, неторопливыми мелкими шагами отправился в путешествие по комнате. Святополк-Мирский осмотрелся. С высокого потолка свисала трехъярусная люстра с канделябрами, по углам кабинета возвышались старинные резные шкафы с дорогими старинными книгами, стулья были обшиты зеленым бархатом, и длинная бахрома слегка касалась пола. Все это радовало и успокаивало взор.

– А вот здесь вы опять не правы, недостатки есть у всех, – отчего-то помрачнел Николай, – но будем считать, что это никак не помешает нашему делу. В своей докладной записке вы пишете, что турки очень активизировались. Что вы имели в виду?

– Например, в Париже у них сильная и очень разветвленная агентура. Они активно занимаются сбором данных о флотах, в том числе и о российском. Я думаю, что ни один корабль, прибывающий в Европу, не остался без их внимания. Они очень активно сотрудничают с немцами, получая от них новейшие технические разработки. И стараются усиливать свое влияние на Балканах. Если мы не вмешаемся сейчас, то момент будет упущен. Нашу задачу я вижу в том, чтобы нейтрализовать деятельность турецкой разведки. Этого можно добиться путем подкупа, если хотите, даже шантажа некоторых ключевых резидентов. Через переведенных агентов следует снабжать турков ложной информацией. Кроме того, в Париже сейчас представлено собрание революционеров разных мастей, которые во имя своих призрачных идей готовы принимать любую помощь. Мне стало известно, что многие террористы весьма тесно связаны с зарубежными разведками, в первую очередь с немецкой. За ними следует усилить наблюдение, по возможности, внедряя в их ряды своих людей.

– Понятно... Какая разведка представляет сейчас для России наибольшую опасность?

Министр на секунду задумался, после чего уверенно отвечал:

– По этому поводу у меня уже был разговор с Гариным, директором департамента полиции. – Государь молчаливо кивнул. – На наш взгляд – турецкая, она действует более агрессивно.

– Известно, кто руководит турецкой разведкой? – спросил Николай.

– Имени его мы пока не знаем. А описания его внешности тоже очень противоречивы. Нам даже не известно, сколько ему лет... Но, судя по его делам, немало. По всей Европе мы натываемся на его следы, и всюду он работает против России. Такое впечатление, что к Российской империи он испытывает патологическую ненависть. Но что нам известно точно – он неоднократно бывал в Москве и Санкт-Петербурге и очень хорошо знает русский язык. Кличка у него – Янычар!

– Так, как вы его охарактеризовали, она целиком соответствует его характеру. Значит, вы считаете, что он сейчас живет в Париже?

– Без всякого сомнения! – уверенно отвечал министр.

– Очень неплохо было бы с ним поговорить. Наверняка он может рассказать массу полезного.

Государь, чуть приподняв голову, задиристо взирал на Петра Дмитриевича, и тот, смешавшись, проклинал свой немалый рост. Странное это ощущение – смотреть на государя свысока.

– Да, ваше величество.

– Полноте вам, – отмахнулся Николай Второй, – зовите меня по имени-отчеству.

– Николай Александрович... у меня есть кое-какой план. Если турецкий резидент клонет, то его можно будет переправить в Россию.

– Вот как, – воодушевился Николай. – Очень хотелось бы взглянуть на вашего... Янычара! Кстати, а сколько лет Скрябину?

– Ему немногим больше тридцати.

– Для своих лет он много успел, – произнес государь, задумавшись. – Он очень способный человек...

Дверь бесшумно открылась, и в кабинет вошел адъютант императора.

– Николай Александрович, – тихим голосом произнес он. – К вам на аудиенцию пришел великий князь Андрей Владимирович.

Лицевой нерв государя дрогнул. И Святополк-Мирский много бы отдал, чтобы узнать, что в этот момент почувствовал государь. Венценосных кузенов связывала общая привязанность – очаровательная Матильда Кшесинская, а два года назад балерина родила великому князю сына, которого назвала в честь деда Владимиром.

Николай мягко улыбнулся и произнес:

– Прошу прощения, Петр Дмитриевич, давайте продолжим нашу встречу в следующий раз... Я забыл вас предупредить, но у меня назначена встреча с братом.

Глава 2

Вы должны ограбить банк

– Здесь все в точности как на фотографиях. – Широкая ладонь ювелира опустилась на сверток, и бумага под его тонкими и гибкими пальцами слегка зашуршала. – Конечно, пришлось изрядно постараться, уж очень непростая работа, да и сроки...

Савелий вяло улыбнулся:

– Кажется, я вам за это и плачу. Не так ли?

Ювелир, еще крепкий мужчина лет пятидесяти, выглядел заметно смущенным:

– Разумеется.

Развернув сверток, Савелий взял один из камней – величиной с ноготь, темно-красного цвета – и глянул на свет.

– Весьма неплохо! – Затем выбрал другой, поменьше, совершенно прозрачный. – О! – С восторгом протянул он, рассмотрев внутри радугу. – Он сверкает.

– Внутри камня обламывается свет, – сдержанно пояснил ювелир, – вот отсюда и краски.

В ювелирной лавке было очень светло. По-другому и нельзя, клиент должен рассмотреть камень, мало ли... Вдруг трещины! Снаружи кто-то нетерпеливо потянул за ручку, и ювелир, вскочив со стула, поспешил к выходу.

– Вы разве не видите табличку, мсье? – сдержанно укорил он. – Я занят! Подходите, пожалуйста, через час. – Закрыв дверь на защелку, он вернулся на место. – Надеюсь, я не разочаровал вас?

Савелий аккуратно уложил камни в небольшие холщовые мешочки, тщательно завернул их в плотную бумагу и осторожно, как если бы опасался, что все это может рассыпаться, уложил на дно сумки.

– Я доволен проделанной вами работой. Лучше вас ее никто бы не сделал. Я наводил справки... А вот это ваше дополнительное вознаграждение. – Савелий положил на стол пачку франков. – Здесь вдвое больше обговоренной цены, но я думаю, что ваше мастерство того стоит.

– Спасибо, мсье, – не сумел сдержать радости ювелир и несколько торопливо потянулся за деньгами. – Если вы еще надумаете заказать подобную работу, всегда буду рад помочь вам.

Савелий не сумел сдержать улыбки:

– Думаю, это будет не скоро. Позвольте откланяться.

– Я вам открою! – заторопился ювелир следом.

Шаркнула тяжелая задвижка, дверь распахнулась. Сжимая в руке сумку, Савелий ступил на брусчатку. Пропустив встречную пролетку, он пересек мостовую и свернул в переулок. Незаметно оглянулся. Следом никого. Пусто.

Савелий юркнул в ближайший подъезд и аккуратно принялся оттирать узенькую бородку. Скомкав в ладони, он небрежно бросил ее в сумку. Туда же полетел густой парик. Небрежным жестом он отряхнул воротник и уверенно направился в проходной двор.

* * *

К скверу Вер-Голан Савелий Родионов спустился по лестнице от статуи короля. Генрих IV восседал на породистом жеребце и лукаво посматривал на фланирующих дам. Даже застыв в меди, он не растерял своей галантности. Порой казалось, что он готов сбросить маску величавости, соскочить с иноходца и вприпрыжку помчаться за понравившейся барышней. Деревья, посаженные по берегам острова, лишь усиливали его сходство с кораблем. В парке

народу было немного. Совсем юная пара, не более двадцати лет, важно прогуливалась по аллее, усыпанной светло-желтым песком с гравием, который мерно похрустывал при каждом шаге. Немного поодаль на скамеечке тихо сидела пожилая чета. Дедуля бережно сжимал в ладонях руку своей спутницы, а та, в свою очередь, с нежностью посматривала на старичка, очень похожего на укрощенного Кощея Бессмертного. Милые интеллигентные старички, сумевшие сохранить нежные отношения друг с другом даже через полсотни прожитых совместно лет. С некоторым чувством превосходства они посматривали на молодых людей, будто лишь теперь уяснили нечто такое, чего не понять слепой юности.

На лужайке суетилась болонка, что-то без конца вынюхивающая. Временами она посматривала на мысок, где предположительно находился хозяин. Обеспокоенности псина не выказывала, следовательно, он находился в поле ее зрения и, укрывшись за стволами каштанов, очевидно, любовался течением.

Савелий удобно уселся на скамье, закинув ногу на ногу. «Пари матч» он купил только что. Его подмывало немедленно открыть разворот и, не отходя от лотка, углубиться в статью. Однако Савелий решил воздержаться: через пятнадцать минут у него была запланирована весьма серьезная встреча. А следовательно, не должно быть никакого шатания в мыслях.

Савелий с интересом прочитал броский заголовок «Ограбление Национального банка», чуть ниже виднелись несколько фотографий, на которых крупным планом был запечатлен вскрытый сейф. Зрелище презабавное. Хотя бы потому, что не каждому дозволено заглянуть в его отполированное стальное нутро, а сейчас, при значительном увеличении, сейф выглядел весьма обыкновенно. Металлические запоры, вывороченные с корнем, торчали из двери, словно перья из потрепанной птицы, и выглядели до нелепого смешно. Даже у банкиров подобная картина должна была вызвать гомерический хохот. Только дьявол мог подбить людей на то, чтобы доверить металлическому ящику целые состояния!

На другом снимке сейф был заснят с некоторого расстояния, и в объектив фотокамеры угодила группа растерянных служащих банка. Особенно озадаченным выглядел управляющий: руки разведены в стороны, а рот так широко распахнут, что в него запросто могла влететь птица средних размеров.

Третье фото и вовсе удивило Савелия. На переднем плане был запечатлен комиссар полиции Лазар – круглолицый коротконогий малый лет сорока пяти. Удивленно выгнув в крутую дугу широкие брови, он указывал пальцем на одну из ниш сейфа. О чем говорил полицейский, оставалось только гадать, но речь явно шла не о том, что он взял след грабителей.

Следует признать, что фоторепортер оказался человеком не без юмора и сумел показать полнейшее бессилие полиции. А вот немного ниже можно было прочитать, что комиссар клянется: преступник будет непременно найден в течение ближайшей недели. Савелий едко усмехнулся: ну-ну, блажен, кто верует!

На следующей странице приводился комментарий управляющего банком, в котором он уведомил, что хранилище пострадало на полтора миллиона франков. Савелий лишь улыбнулся: реальная цифра была почти на порядок выше. Оно и понятно, банкир из последних сил пытается сохранить репутацию своего учреждения, в противном случае он потеряет своих последних, самых верных, клиентов.

Раздался продолжительный гудок.

Родионов на минуту оторвался от газеты и посмотрел на реку. По Сене, пыхтя черным дымом, медленно скользил прогулочный пароход. На палубах пестрел праздный люд. Громко играл патефон, доносилась задорная мелодия шансона.

Вот у кого нет проблем!

Болонка, подняв мордочку, прислушалась к звукам музыки и сдержанно, будто бы стесняясь собственного голоса, залаяла. А потом, потеряв интерес к развлекающейся публике, бодренько побежала метить территорию.

Встреча ему была назначена именно в сквере Вер-Голан, и Савелий посчитал это неплохим знаком. В записке, доставленной ему привратником, говорилось, что речь пойдет о вопросе, который его обязательно заинтересует, и теперь Савелий терялся в догадках.

Кораблик отошел на значительное отдаление. Музыки уже было не слышно, да и дымком более не потягивало, но до берега с порывами сильного ветра продолжал доноситься беззаботный женский смех, ломающийся на самой высокой ноте.

– Савелий Николаевич? – неожиданно послышался за спиной вкрадчивый голос.

Родионов повернулся. На него смотрел мужчина лет тридцати. В правой руке он держал свернутый поводок, в другой была папка. Похоже, именно он был хозяином болонки, что резвилась на клумбе.

– А в чем, собственно, дело? – в свою очередь настороженно отреагировал Родионов.

– Это я вам назначил встречу.

Савелий внимательно всмотрелся в мужчину. Внешность у него была самая что ни на есть обыкновенная – где-то даже серенькая, смахивает на клерка из захудалой конторы, заматанного мелкими проблемами. Обращали на себя внимание лишь глаза – изучающие и будто бы всепроникающие.

– Ах, вот оно как... Интересно. И что же вы хотите сообщить?

– Позвольте присесть? – попросил мужчина. – Я не отниму у вас много времени.

Молодой человек был воспитан. Слегка согнулся в полупоклоне, дожидаясь любезного разрешения, – отказывать было грешно. Родионов слегка пожал плечами и великодушно разрешил:

– Как вам будет угодно. – И когда мужчина присел, он нетерпеливо поинтересовался, как если бы у него была намечена еще дюжина подобных встреч: – Ну, так в чем дело?

– Понимаете, уважаемый Савелий Николаевич, не буду лукавить, я готовился к нашей встрече. – Он положил на колени папку, щелкнул замками и, порывшись в ворохе бумаг, произнес как бы в задумчивости: – Где же они у меня?.. Ах, вот, нашел, – выудил он несколько газетных вырезок. – Понимаете, это все о вас... Это здесь вы совершенно никому не известны, а в России вы большая знаменитость! Все читать, наверное, не следует, тут слишком много написано... Да и что они могут знать о вас, эти журналисты?! А ведь вы крупная фигура. Так что, позвольте, я зачитаю вам только заголовки. – Мужчина нацепил пенсне. – «Король российских медвежатников», «Савелий Родионов. Кто он?..», «Динамит против сейфов», «Банкиры объединяются», «Пятьсот тысяч рублей за информацию о медвежатнике...»

– Вы меня с кем-то спутали, – без интонаций отреагировал Родионов.

– Вот как? Я бы посоветовал вам почитать рассуждения генерала Ксенофонтова, который занял место генерала Аристова. Так он прямо указывает на вас.

– Хм, интересные соображения.

– Это не соображения, Савелий Николаевич, это факт. Он тоже приводит веские доказательства... так сказать, вашей бурной деятельности. А еще в «Московских ведомостях» имеется ваша фотография. Вот взгляните, – протянул он вырезку. – Правда, здесь вы несколько моложе. Но что поделаешь, время безжалостно.

Стараясь сохранять равнодушие, Савелий Родионов взял протянутый листок. Без труда узнал Хитровскую площадь с ее многочисленными ночлежками, подле которых толпились бродяги. На переднем плане возвышался огромный дом, в котором располагался трактир «Каторга», известный как притон громил и беглых каторжников. Законопослушному гражданину подобные заведения полагается обходить за версту если уж не из чувства брезгливости, то хотя бы из страха за собственную жизнь, но человек, стоящий у трактира, спокойно беседовал с кем-то и выглядел очень независимо. Смущала лишь его франтоватая внешность, никак не вязавшаяся с окружающим, а дорогая трость с костяным набалдашником и вовсе смотрелась чужеродным предметом. На пальце левой руки он рассмотрел даже кольцо, которое ему пода-

рила Елизавета на день ангела. Как это ни обидно, но он его совсем недавно потерял и даже не мог припомнить, где. Кольцо было чутко великовато и частенько слетало с пальца.

Всякий, кто видел эту фотографию, невольно должен был задаться вопросом, почему же бедовые хитровские бродяги не вытряхнут господина из его дорогого костюма. И лишь приглядевшись повнимательнее, можно было заметить, что джентльмен в обществе бродяг чувствовал себя совершенно свободно, если не сказать больше, – он смотрел на хитрованцев совершенно по-господски, словно суровый барин, отчитывающий крепостных крестьян. Не хватало еще одной фотографии, где хитрованцы застыли бы перед суровым хозяином в глубоком земном поклоне.

Конечно же, это был он. Правда, чуть помоложе, без усов, но вполне узнаваем, даже с первого взгляда.

Савелий Родионов вернул снимок. Он остался доволен собой – равнодушие удалось. Возможно, даже с перебором. Но это уже издержки.

– Вы меня шантажируете, молодой человек, я вас правильно понял?

– Боже упаси! – Собеседник выглядел смущенным. – Разве я бы посмел.

– Тогда что же вам от меня нужно?

– Сейчас попробую объяснить. – Подбежала болонка. Она энергично обнюхала штанины Савелия и, подбрасывая пушистый зад, устремила в противоположный конец острова. – Дело в том, что мне известно, кто совершил ограбление банка... о котором вы сейчас читаете.

– И кто же? – хмыкнул Родионов.

Молодой человек собрал вырезки и положил их в папку.

– Вы, – очень просто объявил он.

– Ах, вот как! – невольно выдохнул Родионов. – А вы наглец!

– Хотите доказательства? Пожалуйста. Я следил за вами. Как только я убедился, что вы тот самый человек, о котором в России писали все газеты, я не отходил от вас ни на шаг.

– Вот как? Я этого не заметил.

– Все верно, – охотно согласился молодой человек. – Я был очень осторожен. Вы вели образ жизни состоятельного рантье. Интересовались искусством, посещали выставки, просиживали часами в кафе. В Париже, по-моему, не осталось ни одного ресторана, в который вы бы не заглянули. Вас всюду принимали за скучающего бездельника, и никто не догадывался о вашем истинном амплуа! Уверю вас, если бы французы знали, с кем они имеют дело, то наверняка...

– Засадил бы в тюрьму? – скривился Савелий, подыгрывая незнакомцу.

Мужчина лишь махнул рукой:

– Что вы! Они очень оригинальный народ, – брали бы у вас автографы. Здесь падки на разного рода сенсации, тем более если они имеют криминальный душок.

Савелий снисходительно улыбнулся:

– Молодой человек, у вас очень богатая фантазия. А вы не пробовали случайно заняться сочинительством? Уверю вас, вы имели бы большой успех.

Серенький клерк оставался серьезен.

– Вы напрасно иронизируете. Разрешите, я продолжу.

Родионов взглянул на часы, а потом произнес:

– Право, это меня слегка забавляет... У меня есть еще десять минут свободного времени, и я готов вас послушать, – и посмотрел на болонку, возле которой увивался породистый серебристый пудель.

Незнакомец размеренно заговорил:

– Вы очень талантливый человек... – Савелий Родионов лишь усмехнулся, как бы говоря: «Кто бы спорил!» – И к тому же очень деятельный. Жизнь добропорядочного рантье вам изрядно наскучила, и вы решили расшевелить застоявшуюся кровь привычным делом...

а именно выпотрошить банк. И, судя по тому, что ограбление состоялось, а преступник до сих пор не пойман, вы, как всегда, преуспели.

Савелий Родионов всегда считал себя неплохим физиономистом и, как ему казалось, по строению черепа, разрезу глаз, по форме носа мог без труда определить характер человека. Но в этот раз он явно ошибался, приняв молодого человека за мелкого служащего, причем из тех, что стараются угодить начальству. Нет, перед ним находился авантюрист редкой пробы, играющий только по-крупному. Как опытный игрок, он сумел рассчитать все возможные комбинации, держа в руке парочку убойных тузов. Савелий обхватил набалдашник трости ладонями и сдержанно произнес:

– Все эти ваши фантазии... не имею чести знать вас...

– Чернопяттов, – приподнял молодой человек шляпу. – Георгий Сергеевич. Можно просто Георгий.

– Я вам хочу сказать... дорогой мой... Жорж, даже если банк ограбил я, то у вас нет никаких доказательств.

Чернопяттов сдержанно улыбнулся:

– Это не совсем так. Не буду скрывать, я вас сфотографировал выходящим из банка. Если эти фотографии попадут в руки французской полиции, то может возникнуть масса неприятных вопросов.

Родионов ковырнул тростью песок, и болонка, испуганно твякнув, отскочила.

– Хм... Я вас не совсем понимаю. Если вы меня не шантажируете и вам не нужны деньги, тогда чего же вы от меня добиваетесь?

Серый клерк смущенно улыбнулся:

– Насчет денег не совсем так... Кому в наше время они не нужны? Просто я хотел сказать, что у меня к вам имеется весьма деловое предложение.

– Да-а?

Болонка потеряла интерес к серебристому пуделю и теперь охотно терлась у хозяйских ног.

– Ограбить банк!

Савелий внимательно всмотрелся в молодого человека, но улыбки не заметил.

– Жорж... Можно я вас так буду называть?

– Ради бога, – равнодушно проговорил Чернопяттов, – если это доставляет вам удовольствие.

– Вы или большой шутник, или мелкий провокатор.

– Ни то и ни другое. Выслушайте меня до конца... Дело в том, что я сам работаю в банке.

– И в каком же?

– В филиале российского имперского банка «Русский кредит». В нем я служу уже третий год и предлагаю вам ограбить именно его...

– Вы в своем уме?

– Только, пожалуйста, не перебивайте... За это время я очень хорошо изучил систему сигнализации... Мне также известно, когда в банк поступают огромные суммы. Несмотря на кажущуюся неприступность, охранная система банка не без изъянов. С вашим профессионализмом и с моей осведомленностью мы сможем его ограбить, – в глазах молодого мужчины блеснул нешуточный азарт.

Если бы не эта искорка в глазах, его можно было бы принять за провокатора. Но перед ним был обыкновенный авантюрист, решивший покончить с бедностью одним махом. Париж, как известно, город соблазнов, а они вытягивают деньги не хуже любой куртизанки. Савелий сделал вид, что предложение Чернопяттова его заинтересовало, в мнимой взволнованности он даже потер пальцами подбородок.

– Филиал банка «Русский кредит», кажется, находится где-то на одной из улиц квартала Сен-Жермен?

– Верно. Почти рядом с собором. Всего лишь в каких-то пятидесяти метрах. Ну, так как, вы согласны? – с надеждой спросил Георгий.

Откинувшись на спинку скамейки, Родионов задумался. Может быть, судьба в лице этого молодого человека посылает ему еще один шанс. Следует прислушаться к собственным ощущениям и не бить судьбу по протянутым рукам.

– Я слышал, что это один из самых крепких банков в Европе. С чего вы взяли, что он так запросто распахнет перед нами двери?

Фраза прозвучала как согласие, и Савелий удивился, как быстро он поддался уговорам незнакомого человека.

– Вы хорошо осведомлены. Приятно иметь дело с настоящим профессионалом! Действительно, этот банк один из самых надежных во всей Европе. После того, что вы наделали в России, банкиры усовершенствовали все системы защиты. Особенно преуспели в «Русском кредите». Хранилище банка представляет собой бронированный лифт, который на ночь погружают в шахту. Подойти к ней совершенно невозможно, так как ее держат под высоким напряжением...

Савелий невольно скривил губы:

– Жорж, и как же я, по-вашему, возьму этот банк? Наверняка, кроме тока, который испепелит всякого, там имеется и вооруженная охрана.

– Все дело в том, что банк нужно брать в дневное время, когда часть охраны снимается. А для налета лучше всего подходит четверг.

– Почему четверг?

– По двум причинам, – Чернопятав перешел на горячий шепот, – во-первых, в этот день в банк приходят очень большие поступления, и, во-вторых, ключи от хранилища будут находиться у меня.

– Вот как! Хм... Георгий, а нужен ли я вам вообще? Может, вам следует брать банк самому, и делиться ни с кем не придется. Я ведь запрошу немалую долю.

По лицу Чернопятава пробежала тревога, но голос прозвучал на удивление уверенно:

– Без вас мне не обойтись. Здесь нужно работать только вдвоем.

Савелий Родионов внимательно посмотрел на Жоржа. Похоже, что тот нервничает. А может, показалось?

– Возможно, вы и правы.

– Денег там будет очень много. Но я все-таки советую вам взять лишь черный саквояж. Он принадлежит одному ювелиру и доверху набит драгоценными камнями. Стоимость их такова, что даже фараоны позавидовали бы этому богатству.

Его глаза засверкали, и Савелию не понравилась трудно скрываемая алчность Чернопятава. Хотя, конечно, его тоже можно понять: от подобных денег у кого угодно разыграется воображение.

– А вы не боитесь, что я хапну все денежки и делиться с вами не пожелаю, а? – неожиданно весело поинтересовался Савелий.

Пауза была недолгая. Чернопятав потрепал болонку и ответил, уверенно встретив взгляд Савелия:

– Не боюсь. Я ведь наводил о вас справки. У вас есть свой кодекс чести, и вы никогда не обманываете партнеров.

– А вы, я вижу, Жорж, и вправду поработали очень основательно. У вас в полиции свои люди?

Чернопятав поднял руки:

– Полиция здесь ни при чем. Признаюсь, у меня действительно есть кое-какие связи в криминальном мире. Там вы настоящая легенда. – В голосе клерка прозвучало заметное уважение.

– Хорошо. Вы попали в точку. Я действительно честен со своими партнерами.

– Значит, вы принимаете мое предложение?

– Только не надо поддаваться щенячьему восторгу, – недовольно проговорил Савелий, поглядывая по сторонам. – Мы не на мясном базаре, а потом даже на этом прелестном острове могут быть любопытные уши. – Помолчав, он продолжил уже по-деловому: – Сколько человек охраны будет в хранилище?

– Трое... Но в другие дни их обычно пятеро.

Савелий озадаченно протянул:

– Тоже не мало.

– Четверг удобен еще одним обстоятельством. Ближе к концу рабочего дня в хранилище остается всего лишь один полицейский, двое других проверяют надежность системы охраны и сигнализации. Они будут отсутствовать всего лишь час. За это время нужно будет вынести саквояж.

– Этого времени будет достаточно, чтобы открыть сейф?

– Вполне.

– Что ж, очень хорошо. Но хочу сразу предупредить, я не люблю неприятных сюрпризов в виде полутора десятков полицейских. Подобные обстоятельства меня очень расстраивают. Если что-то пойдет не так, уверяю вас, Жорж, вам придется горько пожалеть об этом.

Чернопятов широко улыбнулся:

– Вам не стоит беспокоиться, неприятностей не будет. Вы не станете возражать, если я угощу вас чашечкой кофе? Для меня это большая честь.

– Что ж, пойдемте скрепим наше деловое сотрудничество. – Родионов поднялся. – Здесь рядом есть один неплохой ресторанчик. Можно и перекусить. Французская кухня – лучшая кухня в мире.

* * *

– Ты все поняла? – в очередной раз спросил Савелий у Елизаветы. – Твое появление должно выглядеть очень естественно. Главное – не обращать на себя внимание.

Барышня капризно поморщилась и негодуя взмахнула руками:

– Савушка, ты мне очень напоминаешь нашу классную даму, она была точно такой же занудой.

Родионов улыбнулся, стараясь спрятать дурное предчувствие:

– Извини, просто я педант.

– Ну, я пошла.

Елизавета повернулась и, подняв на прощание руку, пошевелила пальчиками. Она не оглянется, Савелий знал это, так и пройдет до самого банка с надменно поднятой головой. Мужчины невольно задерживали на ней взгляды, и Савелий втайне гордился этим вниманием. Для прохожих она всего лишь красивая картинка, которой можно полюбоваться издали. Для него Елизавета – любимая женщина, которой он обладает. За последний год она чуть-чуть поправилась, что совсем не испортило ее фигуры. Наоборот, она обрела еще большую женственность и расцвела в полной мере, уверенно шагнув в свой самый красивый возраст.

К церкви Сен-Жермен-де-Пре неторопливо стекался народ – близился час полуденной службы. Что только на руку. Можно легко затеряться в толпе прихожан, и вряд ли кто из верующих признает в молодом, хорошо одетом мужчине известного медвежатника.

Собор был старинный, один из древнейших в Париже. Неоднократно разрушенный, он всякий раз отстраивался и вновь тянулся крестами к небесам. В общем, есть на что посмотреть – Савелий невольно задержал взгляд на старинных порталах. И тут же мысленно одернул себя. К черту все эти архитектурные достопримечательности, так и Лизу пропустить можно. Ждать пришлось недолго. Уже минут через десять она вышла из дверей банка и бодро направилась в его сторону. Савелий пытался угадать ее настроение, но не заметил даже следов волнения на красивом лице.

Отошли в сторонку, под широкую крону распутившегося платана.

– Что-нибудь обнаружила? – негромко спросил Савелий, поглядывая на прихожан.

Лица у проходящих мимо серьезные. Ясно одно: сейчас все их думы о боге и предстоящей проповеди. Но нет, одна из барышень, совсем еще юная особа, вдруг задорно улыбнулась высокому красивому парню в атласном сюртуке. Тот, заметив обращенный на него взгляд, галантно приподнял шляпу и отвечал такой же располагающей улыбкой. Все в порядке, жизнь клокочет даже у порога храма.

– Ничего подозрительного, – отрицательно покачала головой Елизавета. – В зале только один охранник, да и тот любезничает с какой-то молодой дамой.

– От твоих карих глаз ничего не скроешь, – едва улыбнулся Савелий.

– На такое трудно не обратить внимание, – сдержанно заметила Елизавета. – Разве если быть слепым.

– Что там было еще? – проводил Савелий взглядом понравившуюся ему девушку.

– Ты не туда смотришь, – без эмоций укорила его подруга.

– Прости... Ты меня ревнуешь? – бережно обнял он ее за талию.

Лиза увернулась от нежных объятий и отвечала все тем же размеренным тоном:

– Вовсе нет. Но мне бы хотелось, чтобы ты сосредоточился на главном. В зале всего лишь несколько посетителей.

– Они не похожи на переодетых полицейских? – насторожился Савелий.

– Только при самом богатом воображении, – заметила Елизавета.

– Что ж, хорошо. Я доверяю твоей женской интуиции. Пожелай мне удачи.

Глаза Лизы неожиданно наполнились тревогой.

– Может, я пойду с тобой?..

– Не волнуйся, все будет хорошо. Ты даже не успеешь сварить мне кофе, как я вернусь домой. Езжай и жди меня!

– Тогда удачи! – отвечала Елизавета.

– Вот эти слова я и хотел от тебя услышать.

Через распахнутые настежь узкие окна церкви, напоминающие бойницы крепости, могуче вырвались наружу первые аккорды органа. Служба началась.

Пропустив мчавшийся на полной скорости экипаж, Савелий перешел на другую сторону улицы. Извозчик, худой нескладный парень, приподнявшись на козлах, лихо нахлестывал коня, без конца покрикивая на прохожих. Жеребец был с норовом – рвал поводья и стремился растоптать каждого посмеявшегося перебежать дорогу. А в экипаже, вольготно раскинув руки, ехал какой-то крепкий мужик с окладистой пшеничной бородой. Явно русский. Наверняка какой-нибудь промышленник из Восточной Сибири. Миллионщики не любят менять устоявшихся привычек и по Парижу раскатывают с такой же лихостью, к какой привыкли у себя где-нибудь в уездном городишке, где они полноправные хозяева. Наверное, купец еще и недоумевает, отчего это жандармы не отдают ему честь?!

Русский купец всегда чувствовал себя в Париже комфортно.

Да и как может быть иначе, если в каждом ресторане он ощущал себя желанным гостем. Если садился обедать, так не поднимался до тех самых пор, пока под ним от поглощенных кушаний не начинал трещать стул. Если изволил выпивать, то непременно старался отведать

едва ли не все вина из погреба. А уж ежели начинал буянить, так с вселенским размахом, показывая сдержанным французам, на что же способна русская удаль. Официанты за традиционной русской забавой – крушением столов, стульев и прочей утвари – наблюдали спокойно. И даже хозяин заведения, выбегая на шум, застывал едва ли не в умилении посредине зала, распознав в хулиганах российских купцов, зная, что ущерб будет перекрыт многократно. Купец расставался с деньгами легко, расплачивался за причиненные неудобства столь щедро, что на полученные деньги можно было открывать второй ресторан.

А потому сибирских промышленников любили и не удивлялись, когда они заказывали черную икру в глубоких тарелках, чтобы она возвышалась внушительной горой. Объясняли они свой каприз тем, что так, дескать, легче добираться до лакомства серебряной ложкой. Что поделаешь, в каждой стране свои традиции. Важно только не улыбнуться, когда, забавы ради, купцы начинают поливать друг друга шампанским «Шардоне» урожая 1873 года, стоимость которого в два раза превышает месячный доход хозяина ресторана.

Осмотревшись, Савелий подошел к экипажу, прижавшемуся к тротуару.

– Ну как? – посмотрел Родионов на извозчика.

Мамай зыркнул на хозяина. У любого другого от подобного взгляда запекло бы от страха в печенках, у Савелия взгляд вызвал лишь снисходительную улыбку.

– Ах! – махнул верный слуга рукой. – И не спрашивай, хозяин. Что французский извозчик, что русский, все едино. Тут я утречком к Гранд-опера подъехал, народу там всякого, а все больше при деньгах. Думаю, подвезу какого купца, авось обломится. Только присмотрел одного такого с манишкой и с золотой цепью на брюхе, как из-за угла мальчонка выскочил. Подобрал пузатого и был таков! Я его вдогонку послал в сердцах по матушке, думал, не поймет. А он оборачивается и меня тем же самым кроет. И поди тут разберись, кто таков? Не то французик, поднаторевший в русском языке, не то русский дворянчик, подавшийся в извозчики.

– Я не о том, – сдержанно улыбнулся Родионов. – Филеров за собой не привел?

– Нет, хозяин, – вмиг сделался серьезным Мамай. – По городу-то я специально покругил, думал, запримечу чего. Чисто все!

– Ладно, хорошо, – уселся в экипаж Савелий. – Ничего не забыл?

– Как можно! – почти оскорбился слуга. – Жду около банка. Если что, подсоблю, – похлопал он себя по оттопыренному карману.

– Надеюсь, что до этого не дойдет, – невесело буркнул Савелий. – Захватил то, о чем я просил?

– Конечно, хозяин, – перешел на шепот Мамай, протянув сверток. – Все в точности. Один к одному, не отличишь.

– Хорошо, если так, – отозвался Савелий, – за то и плачу. Ну, чего застыл? Трогай!

– Эх, пошел, родимый! – натянул вожжи Мамай, и застоявшийся жеребец, тряхнув головой, охотно зацокал по булыжнику.

Двери банка поражали капитальностью. Оно и понятно, у вкладчика не должно быть и малейшего сомнения в правильности своего выбора. Такие двери обычно бывают в храме: перешагнул порог и оробел перед величием расписанных плафонов.

Савелий уверенно поднялся по лестнице. На несколько мгновений задержался на последней ступени и, как бы невзначай, посмотрел через плечо. Ничего особенного. Филеры не дышали в спину, а немногочисленные прохожие не проявляли к нему никакого интереса.

Вот по узенькой улочке, подгоняя серого рысака, лихо промчался извозчик. И седенький сморщенный старикашка едва успел выскочить из-под копыт. Прав был Мамай, когда говорил, что у московских и парижских извозчиков много общего.

Савелий заходил в банк «Русский кредит» трижды. Впервые он заглянул сюда полгода назад, чтобы сделать небольшой вклад, но что-то его остановило. Сейчас уже и не припомнить. Второй раз – две недели назад, чтобы изучить обстановку. На обратном пути он даже сосчитал,

сколько ступенек у лестницы. Их было семь – счастливое число. А вот последний раз нагрязнел совсем недавно, но вряд ли кто из служащих банка запомнил его.

Дверь подалась на удивление легко. Неслышно сработали мощные пружины. Полицейского Савелий заметил сразу, тот стоял у окна и о чем-то весело разговаривал с молодой особой. Парень явно нарушал инструкции – ему полагалось ходить из угла в угол и пристально наблюдать за каждым входящим. Похоже, что они обсуждали планы на ближайший вечер.

Придется внести в их планы некоторые коррективы.

Савелий вышел в центр зала – удобная позиция, чтобы наблюдать за охранником и всеми посетителями сразу. В поле зрения не попадает Чернопяттов, но это не в счет.

Савелий резко вытащил «браунинг» и направил ствол в лицо полицейского.

– Я очень не люблю вида крови, пожалуйста, не делайте лишних движений. И тогда доживете до старости... Всем оставаться на своих местах!.. Мне бы не хотелось, чтобы это предупреждение было последним в вашей жизни. – Савелий развернулся к Чернопяттову и произнес: – Меня интересует содержимое вот этого хранилища. – Он кивком показал на бронированный лифт. – Даю вам три секунды, чтобы отыскать от него ключи. Время пошло... Раз... Два...

– Только не стреляйте, – жалостно протянул Чернопяттов, грохнув по столу тяжелой связкой ключей. – Они здесь.

– Вас не затруднит открыть дверь? У меня заняты руки, – сдержанно напомнил Родионов.

– Только, пожалуйста, не стреляйте, – поднял ладони Чернопяттов, – я сделаю все, что вы просите!

Савелий едва сдержал улыбку. Получилось очень натурально, с такими актерскими данными Жоржу следует блистать в театре.

– Я не сомневаюсь.

Поспешно поднявшись из-за стола, Чернопяттов скорым шагом направился к сейфу. Заметно нервничая, он вставил ключ в замочную скважину и несколько раз повернул. Затем быстро отыскал в связке другой ключ, длинный, с множеством насечек, напоминающий обыкновенный прут. Вставил и его, после чего повернул на пол-оборота небольшой диск, закрепленный в центре дверцы.

– Стоять!.. – рывкнул Родионов, увидев, что полицейский сделал едва заметное движение в его сторону, и уже примирительно, разглядев испуг на его молодом лице, добавил: – Неужели вы хотите, чтобы вас отправили в морг с пулей в черепе? Наверняка вас ждет дома хорошенькая жена.

Зазвучала бравурная мелодия – бронированная дверь сейфа медленно открылась. На полках лежали аккуратные пачки денег, перетянутые банковскими лентами, их было много, не сосчитать. А вот в стороне стоял саквояж из черной кожи с заметно потертой деревянной ручкой. Рядом – небольшой сверток. Стараясь не упускать полицейского из виду, Савелий открыл саквояж и незаметно бросил в него сверток, а на его место положил другой, очень похожий. Поднял саквояж. Тот был приятно тяжелым.

Улыбнувшись, Савелий произнес:

– Господа, извините, что причинил вам столько беспокойства. – И, не опуская руки с револьвером, попятился к выходу.

Внизу у лестницы ожидал Мамай. В правой руке вожжи, а вот левая в кармане сюртука. Мамай умел стрелять, не вынимая руки из кармана, и его мастерство не однажды спасало им жизнь.

Савелий обернулся за мгновение до того, как за ним захлопнулась дверь. Он успел заметить, как зашевелились все сразу, на высокой ноте нервно завизжала женщина, стоявшая у кассы. Седой старичок замахал тростью, словно шпагой, напоминая состарившегося мушкетера, а полицейский стал суетливо выуживать из кобуры пистолет.

Господа, слишком поздно всполошились!

У Савелия оставалось еще несколько секунд, чтобы спокойно спуститься с лестницы и с шиком беззаботного богача усестся в экипаж. Небрежно бросив саквояж к ногам, он победоносно скомандовал:

– Пошел!

Экипаж лихо сорвался с места, и тотчас дверь банка распахнулась, а в проеме показалась разъяренная физиономия полицейского. Он что-то кричал: не то проклятия, не то призывал в помощь Деву Марию. Грохнул выстрел, еще один, несколько глуше. Но это уже далеко и как-то несерьезно. Пролетка промчалась по середине улицы и, распугав пешеходов, свернула в переулок.

– Тпру, нелегкая! – слегка попридержал Мамай коня. – Все норовит вперед вырваться. Ты что, русского языка не понимаешь?! Так я тебя плетью-то подучу!

Вскоре они были на месте.

Городской суеты Савелий Родионов не любил, а потому купил особняк в пригороде. За высоким забором можно было спрятаться, как за крепостной стеной, и даже если предположить, что отыщется какой-нибудь сумасшедший и захочет преодолеть забор, то по двору блуждал огромный ротвейлер, весьма отрицательно настроенный ко всяким незапланированным визитам.

Савелий вылез из экипажа, не доезжая до ворот. До дома лучше немного пройти пешком, нужно осмотреться. Мало ли... Верно говорится, береженого и бог бережет. Как будто бы ничего настораживающего. Пригород жил сонной размеренной жизнью, и вряд ли кого могла заинтересовать пролетка, подъехавшая к одному из домов. Здесь в каждом особняке по собственному экипажу, а то и не по одному, что уж говорить о прочих извозчиках, разъезжающих по улицам целыми караванами.

В доме напротив в крайнем окошке дернулась занавеска, и Савелий увидел красивое женское личико. В глазах мерцал тусклый интерес. Савелий улыбнулся и в знак приветствия слегка приподнял руку. Губки капризно надулись, и мордашка в тот же миг исчезла.

– Ты вот что, Мамай, – строго обратился Савелий к извозчику, – затаись на несколько дней. Когда ты мне понадобишься, я дам тебе знать.

– Хорошо, хозяин, – кивнул татарин, слегка наклонив голову.

Повернувшись, Савелий пошел к дому.

Мамай не торопился уезжать. Слез с козел, похлопал жеребца по взмыленным бокам и, лишь когда Савелий скрылся за воротами, тронул коня. Занавеска в крайнем окне дрогнула вновь. С минуту мадемуазель наблюдала за странным извозчиком в тюбетейке и, заметив на его лице лукавую улыбку, презрительно фыркнула.

Мамай был исполнен сейчас самых грешных мыслей. Не далее как вчера вечером на Монмартре, недалеко от знаменитого собора Сакре-Кер, он познакомился с милой девушкой лет восемнадцати. Она стояла на углу обшарпанного здания, вызываясь выставив вперед колено. Потоптавшись около уличной феи, Мамай потер указательным и большим пальцами, что имеет одинаковый смысл на всех языках мира. Улыбнувшись, красавица снизошла на землю и тем же международным языком объяснила, что за погляд она денег не берет, но если господин предпочтет нечто большее, то в зависимости от его желания цена может колебаться от пятнадцати до ста франков.

В этот же вечер Мамай сумел убедиться, что французские женщины такие же умелые, как и татарочки с Ордынки. Даже кричат они так же неистово, если подойти к ним с пониманием. Юная француженка сумела объяснить, что зовут ее Мадлен и нарекли ее в честь святой Марии Магдалены. Погоняя коня, Мамай громко хохотал, обращая на себя внимание удивленных прохожих.

Елизавета встретила Савелия на крыльце. Так было заведено. Подставила щечку для поцелуя. Когда он коснулся губами ее бархатной кожи, то неожиданно ощутил острое желание.

Ладно, не сейчас, в таком деле торопиться не следует.

Все надо сделать красиво. Свечи. Дорогое вино. Все случится на широкой кровати, которая, как его уверяли, помнила еще тело Людовика XVI. Савелий рассыплет драгоценности прямо на покрывало. Ничего страшного не случится, если пара дюжин бриллиантов пощекочет ей спину. Странно, но до последней минуты у него было ощущение, что дело нечисто. Его не успокоили даже семь ступеней перед входом в банк. И теперь он не без улыбки вспоминал свои недавние опасения.

Значит, напрасно он подозревал господина Чернопятава в нечистоплотности. А раз так, то камни следует поделить. Поровну. Но даже того, что достанется ему, с лихвой хватит на несколько жизней.

И следовательно, Жорж Чернопятав должен простить его маленькую хитрость.

– Мы теперь богаты, – Савелий торжественно водрузил саквояж на стол. Внутри зашуршало.

Елизавета улыбнулась:

– Мы и раньше были не бедные.

– Ты меня не понимаешь, девочка. Мы не просто богаты, а очень богаты! Наконец-то я заживу той жизнью, о которой мечтал. Я создам свою галерею. Соберу вокруг себя художников, скульпторов. Куплю полотна величайших мастеров. Рафаэля! Микеланджело! Леонардо да Винчи! Какие имена! Я стану меценатом, таким, как Третьяков, Морозов, Строганов. Я заставлю говорить о себе весь просвещенный мир, – воодушевился Савелий. – Что поделаешь, если свет так устроен, что благие дела приходится начинать с преступлений. Мы ничего не выдумываем, мы только следуем правилам. Вспомни самых богатых людей мира, ведь их предки, сколотившие своим отпрыскам состояния, были или пиратами, или какими-нибудь разбойниками на большой дороге.

Савелий щелкнул замками и осторожно, стараясь не рассыпать камушки на пол, стал переворачивать саквояж. Внутри зашуршало, а потом на стол неровной струйкой посыпалось мелко битое стекло.

– Что это? – удивленно спросила Елизавета.

Савелий не отвечал. Он тронул пальцами колючие осколки и высыпал из саквояжа остальное. Расползаясь, стекло засыпало блюдечко из кофейного сервиза.

– Вот, кажись, и все, – негромко произнес Савелий. – Нет, есть что-то еще, – вытащил он папку. – Раскрыв ее, он увидел те самые вырезки, что Чернопятав показывал ему накануне. Подарок, стало быть. А может, предупреждение? Да-с, еще одно разочарование.

С минуту он разглядывал эту странную горку из битого стекла. А потом неожиданно громко расхохотался.

– Ха-ха-ха! Вот оно как бывает! Ну, кто бы мог подумать! Ну, мошенник!

Глава 3

Куда делись камушки?

Сколько Георгий себя помнил, он всегда хотел разбогатеть и мечтал о деньгах до болей в печенке. Ибо еще с детства уяснил, что деньги, кроме обыкновенных плотских удовольствий, приносят еще и ощущение свободы.

Необыкновенное чувство!

Проживший едва ли не всю сознательную жизнь рядом с роскошью, он никогда не мог воспользоваться ее благами, ибо всегда оставался «кухаркиным сыном».

Домочадцы имения графа Строганова казались ему почти полубогами. А сам хозяин, величественный Сергей Григорьевич Строганов, представлялся едва ли не громовержцем, определяющим людские судьбы.

В действительности власть старика не распространялась дальше собственного имения да еще нескольких деревушек, доставшихся ему от покойного батюшки. Но зато здесь он был царь и бог и с равной благосклонностью принимал поклоны многочисленной челяди. Брюзжащий, нелюдимый, он производил неприятное впечатление, и трудно было поверить, что в молодые годы Строганов был неистощимым балагуром и задорным весельчаком и что запросто сводил с ума девиц на выданье, каковых в Москве водилось немало. Сейчас, закрывшись от мира, он занялся собирательством картин, что заменило ему все прочие улады жизни.

Впрочем, слабость у него была – молоденькие горничные, что сновали по огромному барскому дому веселыми беззаботными пташками, и ни у кого не вызывало удивления, если старый хозяин иной раз запирался с одной из них в своих покоях. Даже графиня, старая карга с вытянутым лицом, лишь махала на проказника рукой и приговаривала:

– Пусть побалует. Много ли ему еще осталось.

Вот от такого баловства и родился Георгий Чернопятав. Фамилию придумали ему неспроста, а с умыслом. Рассказывали, будто выходил он из чрева матери не головой, как подobaет младенцу, а пятками вперед, и повитухи, намучившись вконец, в сердцах нарекли мальчика Чернопятав. А немного позже обидное прозвище укрепилось и стало фамилией.

На строгановское наследство уповать ему не приходилось – подобных отпрысков у сиятельного графа набиралась едва ли не половина деревни. А потом, у графа был законный наследник, который, поссорившись с родителем, отбыл куда-то за границу. Но связь с отцом не потерял и на каждое Рождество присылал ему праздничную открытку. О сыне графа говорили разное, но все какое-то смутное, туманное... Самое большее, на что мог рассчитывать Георгий, так это на пряник, сунутый впопыхах сердобольной мамкой.

Но судьба неожиданно повернулась к Георгию лицом. Старейший граф вдруг начал проявлять к незаконнорожденному отпрыску нешуточный интерес. Трудно было сказать, чего здесь было больше – сентиментальности, свойственной всякому пожилому человеку, или обыкновенной расчетливости (все-таки из байстрюков выходят самые лучшие управляющие), а может, и того, что его любимый сын, оставив родительский кров, осел в чужих краях. Сергей Григорьевич определил Жору Чернопятава в гимназию, где тот выбился в лучшие ученики. Уже заканчивая последний класс, подросток Георгий имел разговор со своим отцом.

– В Москву поедешь учиться... по финансовой части. Правой рукой в имении сделаю, – пообещал граф. – В большие люди выйдешь! А потом, в Москве барышни поболее да порумянее, это тебе не дворовых девок по углам мять.

– Скажете вы тоже, Сергей Григорьевич, – засмутился юный Чернопятав.

– А Валюшку кто давеча на сеновале завалил? – нестрогий спросил старый граф.

Гимназист проглотил горькую слюну – стало ясно, что даже невинные забавы не проходят мимо господского ока.

– Ладно, ладно, не заливайся краской, как девица. Я пока законного наследника настрогал, так половину деревни обрюхатил. Вот так-то!

За годы учебы в университете Григорий Чернопятав общался с отцом всего лишь трижды. Старик после окончания первого курса призвал его к себе. Посмотрел на Георгия снизу вверх и, одобрително цокнув языком, произнес:

– Моя порода! А ее за версту видать, ни с какой иной не спутать! – И, не дожидаясь ответа, пошел в свои покои, где его поджидала очередная пассия.

Вторая встреча произошла после третьего курса. Георгий обратил внимание на то, что за прошедшее время старик Строганов сильно сдал, даже кожа на лице покрылась пигментными старческими пятнами. У Чернопятава от жалости к родителю невольно защемило сердце. Хитровато прищутив глаза, старый Строганов одобрително произнес:

– Ну, ты и молодец! Ну и вымахал! В Москве-то остались еще барышни, которых ты не испортил?

Чернопятав широко улыбнулся, понимая, что отец наблюдает издадека за своим незаконным отпрыском. А стало быть (чего уж там лукавить!) люб он ему!

– Имеются, батюшка, – впервые назвал Георгий старого барина как должно. – Не жадничать же мне. Так что и для вас останется!

Взявшись за бока, старый проказник долго хохотал и, наконец успокоившись, похвалил:

– Так держать, сынок! Э-эх, в Париж тебя отправлю. Тамошние девки куда слаще тутешних. – Старый развратник одобрителным взглядом проводил молоденькую горничную с обширным бюстом – на большее Строганов уже был не способен. – Потом приедешь, расскажешь. А я за тебя порадуюсь.

– Все как есть расскажу, батюшка, – пообещал в спину удаляющемуся старику Чернопятав. И пока тот шел в свой кабинет по длинному коридору, Жора не мог избавиться от дурного предчувствия.

Последний раз они встретились незадолго до смерти, когда Чернопятав уже работал в банке. Строго посмотрев на сына, граф сказал:

– Слышал я, что ты в Париже с масонами снюхался.

Проглотив горькую слюну, Георгий отвечал:

– Оговаривают, батюшка.

– Знаю я, что ты прохиндей каких мало, но они похлеще тебя будут. Вот что я тебе скажу: ничего святого у этих людей нет. Подалее от них держись. Как пить дать облапошат. А еще и охмурят! Им, окромя денег, ничего не надобно.

Худшее случилось осенью. Старый Строганов умер грешно, как и жил. В четверг пошел в баню и призвал в мыленку трех ядреных девиц, способных, по его мнению, вдохнуть жизнь в его увядающую плоть. Четверг им был выбран не случайно. Несмотря на набожность и полукилограммовый крест на груди, с которым старик никогда не расставался, он в глубине души считал себя язычником. А для них четверг – это святой день, когда обязательно нужно совершить подвиг и совокупиться с женщиной. В его же возрасте совокупление могло считаться таким же подвигом, как сеча на бранном поле, а потому он относился к этому дню столь же свято, как и к воскресным причастиям. Была еще одна причина, почему он выбрал для задуманного именно этот день. По языческим представлениям, в четверг после баньки происходило очищение.

Силы у Сергея Григорьевича хватило лишь на двух девиц (это не то, что в молодые годы!). Разгоряченный и усталый, барин погрузился в стоведерную бочку. Поплескался счастливо, окатив разнеженных женщин снопом брызг, а потом, хрюкнув, вдруг погрузился с головой под воду. Девоньки, привыкшие к чудачествам старого графа, забеспокоились только тогда, когда он не вынырнул через пару минут. А когда боязливо подошли к бочке, то увидели, как он блаженно посматривает на них полузакатившимися глазами через пласт воды.

Перепугавшись, девоньки выбежали из баньки нагишом, потрясая могучими грудями, и с криком «Барин утоп! Барин утоп!» побежали к господскому дому.

Похоронили графа с подобающими почестями, прибыл даже предводитель дворянства, с которым в последние годы Строганов был в больших неладах. В тот день многие девичьи слезы оросили глинистый холмик, под которым упокоились его бранные останки.

После смерти Строганова Григорий Чернопяттов почувствовал, что осиротел по-настоящему. Пусть их отношения и не обрели форму полноценной дружбы чадолюбивого родителя и желанного отпрыска, но он всегда знал, что на свете есть человек, который непременно его поддержит. Строганов для Георгия был вроде некоего божественного ока, которое наблюдало за ним непрестанно из поднебесья.

Строганов сдержал свое слово и определил незаконнорожденного сына в филиал коммерческого банка в Париже. Впрочем, нарушать обещание было для него не свойственно, он бы даже смог уговорить курносую отставить в сторонку разящую косу, чтобы закончить все свои дела. Таков уж был у него характер, а его, как известно, не выправишь. К тому же прямой наследник старика – его сын – окончательно затерялся. То поговаривали, что связался с какими-то заговорщиками, а то утверждали, что он главарь какой-то шайки. Впрочем, ничего определенного никто не знал.

Многочисленные родственники живо поделили несметное богатство графа, Георгию же достались только перешептывания за спиной да откровенные насмешки. Теперь после смерти родителя надо было позаботиться о себе самом, а потому он постоянно искал случая обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь.

Большие суммы в коммерческий банк приходили третьего числа каждого месяца. И Георгий не однажды подумывал о том, что если ограбить банк, то этих денег должно хватить лет на триста. Но такой вариант не очень подходил – сытое существование будет отравлять ядовитая мысль о ежеминутном разоблачении. И всю оставшуюся жизнь придется прятаться под чужой фамилией.

Нет, надо придумать что-нибудь поизобретательнее.

* * *

Савелий скомкал газету и яростно бросил ее в угол. Новостью номер один в Париже вновь стало ограбление – теперь уже филиала «Русского коммерческого банка». Газеты писали об этом захлеб, с некоторым злорадством смакуя каждую новую подробность. Такого интереса к криминальному делу во французской столице давно не наблюдалось. Более всего поражала сумма похищенного, составлявшая, как выяснилось, более десяти миллионов франков. Сумма запредельная, и каждый начинал мысленно подсчитывать, сколько тысяч нужно тратить в день, чтобы спустить состояние в течение среднестатистической человеческой жизни.

Чернопяттов не врал, когда говорил о том, что в черном саквояже лежат драгоценные камни, только вот ни словом не обмолвился о том, чья же эта собственность. А принадлежали они социал-революционерам, по крайней мере, так писали газеты. Надо сказать, это очень серьезные товарищи. А значит, кроме своры полицейских, Савелия будут разыскивать и эти ненормальные политические, которые любят швыряться бомбами в губернаторов и жандармов. Если они его вычислят, то не станут утруждать себя нудными допросами, чем грешит либеральная царская охранка, – его просто пристрелят где-нибудь на темной улочке, а труп бросят на кучу навоза. Ничего святого у людей! Очень циничные господа.

Вот что значит Европа, – расслабился, доверился людям. А делать этого не следовало. Ведь в России подобного промаха с ним бы не произошло.

А Чернопяттов молодец, свою акцию спланировал очень четко, для чего разыскал каким-то невообразимым образом известного медвежатника «всея Руси». Кто же теперь ему поверит,

что вместо камушков в саквояже было толченное стекло? Почти десяток свидетелей видели, как Савелий извлекал из сейфа кожаный саквояж, а банковский клерк под дулом пистолета с трясущимися от страха руками открывал бронированную дверь лифта. И ничего удивительного в этом нет. Испугался малый, как не понять! На его месте любой другой в штаны бы наложил.

Саквояж Чернопятав поменял перед самым ограблением, и, пока Савелий размахивал стволом перед носом охраны, драгоценности, по всей видимости, находились у него где-то под столом. А в конце рабочего дня он спокойно вынес их из банка.

Со службы Чернопятав уволился уже на следующий день, оставив в полицейском участке подробнейшее объяснение случившегося. Очевидно, сейчас отдыхает где-нибудь в Ницце в сопровождении премилой прелестницы.

Елизавета подошла неслышно, со спины. Поцеловав его в макушку, она произнесла:

– К тебе Мамай.

– Пусть войдет, – кивнул Савелий.

Его взгляд снова упал на скомканную газету. На снимке видны двери банка. Они широко распахнуты, а в проеме в полный рост запечатлена крупная фигура управляющего. На лице нешуточная скорбь, как если бы все беды мира обрушились на его голову. Руки прижаты к вискам, словно он хотел сорвать с макушки остатки волос. Вот кому несладко!

– Здравствуй, хозяин, – поздоровался Мамай. Без подобострастия, обыкновенно, как будто они приятельствовали не одно десятилетие. – Жорка Чернопятав объявился.

– Вот как? – не сумел сдержать возгласа Савелий. – Где же он?

– В Марселе.

– Ага, значит, предполагали мы верно. Хочет уехать куда-нибудь в Америку на сытые хлеба. Оно и понятно, с таким-то багажом! Как вы его нашли?

Мамай добродушно улыбнулся:

– Как ты и предполагал, хозяин, он зашел в бордель поразвлечься. А там уже дежурили наши люди, вот один из них и узнал его по фотографии.

Мамай с некоторым подозрением посмотрел на дога мраморного окраса, вольготно разгуливающего по коврам. Пес подошел к нему вплотную, доброжелательно обнюхал, брезгливо фыркнул и, окончательно потеряв к гостю интерес, отошел в сторону.

– Хорошо. Выезжай немедленно! – распорядился Савелий. – Да прихвати кого-нибудь еще – деньги-то большие.

– Как скажешь, хозяин, – заторопился к выходу Мамай.

– Да не называй ты меня хозяином, – в сердцах обронил Родионов. – Что я тебе, барчук, что ли, какой?

– Как скажешь, хозяин, – улыбнулся Мамай, показав частокол белых зубов.

– А-а! – протянул Савелий и безнадежно махнул рукой.

* * *

Чернопятав тяжело откинулся на спинку стула. Брюхо приятно распирало от обильного ужина. Особенно повара удались омары. Сколько же он съел их за вечер? Впрочем, какая разница! Чего ломать голову над подобными пустяками, ведь не последними же деньгами расплачивался! Что запомнилось, омары отменно шли под бордо. А количество выпитого вина тоже не поддавалось никакому подсчету.

Теперь можно понять, за что во Франции любят русских купцов. Вот за тот самый кураж, который находит на них во время застолья.

С чувством превосходства Чернопятав посмотрел на склонившегося в полупоклоне гарсона. Через его согнутую в локте руку было перекинута белое полотенце, на лице застыло почтение и желание угодить столь именитому гостю, на лбу так и начертано: «Вам, месье, луну

с неба?.. Пожалте, подано!» Еще неделю назад он сам так же простаивал перед управляющим банка, а теперь и ему всяк норовит угодить. Велика сила денег, с этим не поспоришь!

Чернопяттов едва ли не с тоской посмотрел на заставленный стол – чего бы такого еще заказать? Да, кажись, все распробовал.

– Месье, – вновь напомнил о себе официант.

– Ты бы, голубчик, не тревожился шибко-то, – произнес Георгий. – Мельтешишь тут без надобности. Надо будет, позову.

Поклонившись, гарсон испарился. Оно и понятно: желание клиента – закон.

За последние три дня Чернопяттов ухитрился потратить двадцать тысяч франков, не обеднев при этом ни на грош. И самое забавное заключалось в том, что он не помнил, на какие именно удовольствия ушли деньги. В голове вертелся сплошной калейдоскоп развеселых событий, сопровождаемый стойким ощущением похмелья. Некий сон наяву, в который Чернопяттов с радостью погрузился и теперь не спешил возвращаться из него.

Для среднестатистического француза подобная сумма выглядела просто астрономической. Он сумел бы прожить на нее год, и это при том, если бы каждый вечер посещал ресторан, для того чтобы откусать лягушиных лапок и пропустить стаканчик вина. И наверняка каждый из них смотрел на Чернопяттова с нескрываемым чувством изумления: тот уже успел научиться относиться к деньгам, как к разноцветным фантикам. На такой поступок способны лишь русские. Им одним свойственна черта обращаться к проституткам в самых изысканных выражениях, будто бы каждая из них была предопределена ему небесами. Только ненормальные русские способны оставлять в борделе по тысяче франков за полученное удовольствие, хотя ни одна из женщин (будь она даже английской королевой!) не стоит таких денег.

Напротив Чернопяттова сидела жеманная мадемуазель лет восемнадцати. Губки ее капризно сложились в бабочку. Взяв серебряную вилочку, она брезгливо ковыряла барбекю. Девушка старалась держаться так, словно все земные удовольствия ей наскучили с полвека тому назад. Она невозмутимо посматривала на разодетых господ, как будто всю жизнь прожила в роскоши, бьющей в глаза. Но в действительности барышня чуть ли не впервые пила из хрустальных бокалов и только при крайней необходимости покидала территорию морского порта.

Оно и понятно!

На небольшой территории была сосредоточена целая вселенная, где можно было прожить всю жизнь. В тавернах можно было выпить стаканчик крепкого винца, а заодно и подзаработать денег.

– Жорж, ты на меня совсем не смотришь, – лицо девушки приняло обиженное выражение. – А я давно хочу шампанского.

– Гарсон, – встрепнулся Чернопяттов. – Мадемуазель желает шампанского.

– Позвольте мне угостить такую чудную пару этим прелестным напитком, – поднялся из-за соседнего столика мужчина лет тридцати.

Жорж с интересом посмотрел на соседа. За последнюю неделю он наливал каждому встречному, но его угощали впервые. Мужчина был в добротном сером костюме из кашемира. На жилетке кокетливо блестела золотая цепочка, конец которой утопал в нагрудном кармане. Наверняка в нем лежали швейцарские часы, выполненные по индивидуальному заказу. Такие барчуки всегда предпочитают что-нибудь эксклюзивное. Глаза узкие, хитрющие.

Шампанское было дорогое и стоило несколько сотен франков. Даже в шикарном ресторане такого наверняка не более пяти-шести бутылок. Жорж мгновенно оценил щедрость незнакомца. Отказаться от угощения значило обидеть такого уважаемого человека.

– Мы не возражаем, – радостно откликнулся Чернопяттов. – Милости просим к нашему столу.

Мужчина тяжело поднялся.

– Позвольте представиться... Михаил Архипович, – картинно произнес новый знакомый. – Можно и Михаил!

– Георгий Сергеевич, – подумав, Чернопятав добавил: – Можно просто Жорж.

– А меня можно просто Мишаня... Ха-ха-ха! Барышня-то по-русски не говорит? – серьезно осведомился новый знакомый, уверенно откупоривая шампанское. На подбежавшего официанта лишь устало махнул рукой – дескать, чего суетишься, не без рук, сам справлюсь. – Или, может быть, понимает?

– Единственное слово, которое она знает, это «минет», – серьезно заверил его Чернопятав.

Мужчины рассмеялись. Пробка выстрелила в потолок, и пена пролилась на белую скатерть.

– А вы, оказывается, уважаемый Жорж, шутник, – одобрительно произнес Михаил Архипович. – Люблю таких, – умело разлил он шампанское в бокалы. – Я сам такой. Хочешь, шутку одну скажу? – легко перешел он на «ты».

Жорж Чернопятав улыбнулся. Молодой человек нравился ему все больше. Типичный представитель плебейского племени – дед крепостной, отец мастеровой, а сам уже миллионщик!

– Хочу, – весело согласился он.

– А куда ты камушки дел? Ха-ха-ха! – заразительно расхохотался новый знакомый. – Ну, как, хороша шутка?

Улыбка скомкалась, превратившись в гримасу.

– О каких камушках вы говорите?

– Ваше здоровье, – поднял бокал шампанского «миллионщик», глядя на мадемуазель. Выпив бокал в два глотка, он громко крикнул: – А хорошо! Будто газированная водичка в животе урчит. Я такую в Ессентуках пивал. Тоже сладка была. Каждый день по три литра проглатывал. Так о чем я пошутил? Ах да, о камушках! – хлопнул он себя ладонью по лбу. – Ты, видно, запамätовал. А про те самые, что ты из банка-то в саквояже унес. Небольшой такой саквояжик, из черной кожи. А знаешь, Жорж, я сам частенько на память жалуюсь, когда пьян бываю. Но ты, кажись, и не пил тогда, как-никак на рабочем месте сидел. А потом, ведь у вас с Вольдемаром договор был, а этот человек не любит, когда его обманывают.

– Послушайте! – нервно взвизгнул Георгий Чернопятав, вскочив со своего места.

Тарелки на столе предупреждающе звякнули.

– А ты сядь, милоч, сядь, – примирительно протянул незнакомец, колюче прищурив и без того крохотные глаза. – А то на нас люди начинают оглядываться. Еще, не дай бог, полицию вызовут, а уж она-то тебя быстро упечет. Сейчас того молодца, что камушки из банка умыкнул, по всей Европе ищут. А ты хитер, – замахал он указательным пальцем. – О, как ловко прикинулся! И не подумаешь, что таков. На вид простоват, да и глуповат будто бы. А тут такое учудить! Умище-то у тебя природный. Злодейский! Вот что значит не распознать сразу. А камушки-то хотел на Савелия спихнуть? Ну, право, молодец! Ай да герой!

Чернопятав обреченно опустил на стул. Мадемуазель продолжала беззаботно улыбаться. Этот чудной русский, с большой окладистой бородой, угостивший их таким дорогим шампанским, очень забавлял ее.

– Что вам от меня нужно?

– Камушки, мой родимый, – ласково протянул «миллионщик». – Камушки. Тьфу ты! От этого шампанского только живот пучит. Эй, гарсон, – окликнул он пробежавшего мимо официанта. – Ты бы нам водочки принес, что ли.

– Водка? – переспросил гарсон.

– Водка, водка, – радостно закивал Михаил. – А то у этого господина, – показал он на побледневшего Чернопятава, – без водки черная икра в горло не пролазит.

– О! – понимающе протянул молодой официант, что, очевидно, означало: «Эти русские такой забавный народ!»

Через минуту на столе стоял графин с водкой. Стеклянные его бока запотели. Гарсон проворно налил водки в рюмки, как и положено, на две трети. И мгновенно испарился.

– Так что вы мне ответите? – взял Михаил Архипович стопку. Поколебавшись малость, взял рюмку и Чернопятав. Приподняв ее слегка, улыбнулся даме:

– Ваше здоровье.

Михаил Архипович лихо опрокинул стопку. Красиво получилось. Со знанием дела. Мадемуазель глуповато улыбалась русскому медведю. По ее блестящим глазам было заметно, что она окончательно определилась с выбором. И не будь в зале посетителей, так с чувством отдалась бы ему прямо на столе посреди многочисленных тарелок.

– У меня нет с собой камушков.

– Вот как? – живо встрепенулся узкоглазый. – Вы хотите сказать, что саквояжик стоимостью двадцать миллионов франков вы держите у себя под кроватью в захудалой гостинице? Забавно, братец! Забавно!

Непонятно, когда официант умудрился подлить в рюмки, но они вновь стояли полные. Проглотив еще одну, Михаил Архипович лишь поморщился.

– Склероз проклятый! Водку пью, а закусывать забываю, – обругал он себя. – Хе-хе-хе! Ну-с, я жду!

– Они не под кроватью... а в другом месте! – выдавил через силу Чернопятав.

– Голубчик вы мой, – ласково пропел незнакомец, – вы меня принимаете за идиота? – Он покачал головой, обидевшись.

– Если я вам расскажу, вы все равно не поймете, – пробубнил Чернопятав.

– Отчего ж не пойму? – удивился Мишаня. – Скудоумием не страдаю. Вот что, молодой человек, понимайте мои слова как хотите. – Он вытер салфеткой губы и бросил ее в тарелку с нетронутым балыком. – Можете как угрозу, можете как ультиматум, но саквояж вы должны вернуть немедленно. Иначе... иначе вам уже до следующего утра не дожить. Надеюсь, все понятно?

– Да, – прохрипел Георгий. – Знаете, мне что-то дурно, я бы хотел выйти.

– Предупреждаю, из ресторана вам не выйти, всюду дежурят наши люди. И если вы надумаете уйти... Ну, разве что в туалет. Я вам очень не завидую.

– Да, да, – рассеянно проговорил Жорж, – понимаю.

Он уже не раз пожалел о том, что осел в этом порту. Следовало ближайшим рейсом отправляться в Америку. Уж там-то его никто бы не достал!

Поднявшись, Георгий шаткой походкой направился к выходу. Ах да, туда же нельзя. Верно, у самых дверей стояли трое мужчин в темных костюмах. Троица напоминала приказчиков похоронного бюро. Да и смотрели они на проходящих так, будто намеревались снять мерку для гроба.

Сомкнув плечи, двое из них заслонили выход, а третий – маленький толстяк с тоненькими кошачьими усами, – приподняв котелок, широко улыбнулся.

Не пройти!

Можно выйти через кухню, там имеется запасной выход. Стараясь не привлекать к себе внимания, Георгий засеменил в сторону раздаточной. Как бы ненароком глянул через плечо в зал и увидел Михаила. Его новый знакомый так и лучился счастьем. Большой, круглолицый, он напоминал сверкающий самовар, и, судя по его настроению, у него имелись приятные планы на вечер.

Георгий прошел на кухню, поймал на себе удивленные взгляды поваров и, не заметив ничего настораживающего, прошмыгнул в подсобное помещение. Из-под кучи грязного тряпья он выдернул потертый, ничем не примечательный саквояж и быстро направился к двери.

В дальнем конце коридора у запасного выхода он заметил двух мужчин в точно таких же костюмах, что и на троице у входа. Отделившись от стены, они неторопливым шагом направились навстречу Чернопятову.

Живо развернувшись, Георгий затопал по коридору в противоположную сторону. Снова быстро прошел через кухню и устремился в сторону туалета. Однако Михаил Архипович оказался прав, когда сказал, что в этом доме для него свободно единственное помещение – туалет.

Полы туалета были мокрыми. Казалось, что каждый страждущий не успевал донести содержимое мочевого пузыря до унитаза и облегчался едва ли не у самых дверей. Преодолев чувство брезгливости, Георгий подошел к окну и, ухватившись руками за решетку, попробовал ее на крепость. Металлические прутья, слегка шаркнув о стену, поддались. Сердце бешено заколотилось. Еще несколько сильных движений, и решетка выйдет из пазов. Он запер дверь туалета на защелку. Попробовал на крепость. Слабовато! Может не выдержать даже нескольких сильных рывков. Осмотрев туалет, он заметил стоящую в углу швабру и тут же укрепил ею дверь. Теперь надежно! Не теряя более ни секунды, принялся расшатывать решетку. Медленно, но она поддавалась – посыпался раскрошившийся кирпич.

Неожиданно снаружи кто-то дернул ручку двери, после чего негромко постучал.

– Месье, здесь занято, – произнес Георгий по-французски, – вы бы не торопились!

Решетка освободилась одним краем, оставалось сделать всего лишь небольшое усилие, чтобы освободить ее всю. Стук становился все более требовательным. Он прекратился всего лишь на несколько секунд, чтобы кто-то могуче надавил на дверь.

Чернопятов услышал, как затрещали петли. Еще мгновение, и дверь, сорвавшись, рухнет в вонючую жижу.

– Месье, – перепугался Чернопятов, – если вы будете столь нетерпеливы, то я даже не успею надеть штаны.

За дверью кто-то глуховато и неприязненно хохотнул:

– А нам это и нужно!

Следующий удар был очень сильным. Дверь треснула. Еще парочка подобных ударов, и крепкие доски превратятся в щепы. Поднатужившись, Георгий рванул на себя решетку. Вырвав из стены осколки кирпичей, решетка тяжело повисла в его руках.

– Постойте, – крикнул Чернопятов, – я сейчас открою. Вы же придавите меня дверью!

Георгий осторожно, стараясь не греметь, поставил решетку на пол и выглянул в проем. Никого. Впрочем, на углу здания стоял мужчина в темном костюме, один из тех, что загоразживал ему выход. Свет тусклой лампы фонаря глубокими тенями падал на его скуластое лицо, отчего мужчина выглядел особенно зловеще. Человек с такими антропологическими данными не садится ужинать до тех пор, пока не пришьет парочку обывателей.

Чернопятов инстинктивно отпрянул от проема. Собравшись с духом, он выглянул вновь, но теперь уже осторожно, наблюдая за каждым шагом мужчины. Заложив руки за спину, тот двинулся вдоль здания, а еще через секунду исчез за углом. Не теряя более ни секунды, Чернопятов выпрыгнул в ночь и побежал в сторону ближайших кустов. Он услышал, как рухнула на пол сломанная дверь, и до него донеслись голоса его преследователей.

Глухо раздались проклятья. Родная русская речь (все по матушке!) – ее-то не спутаешь ни с какой другой! А затем бухнул выстрел. Не разбирая дороги, Чернопятов побежал в сторону пристани. В одном месте он не заметил торчащей из земли коряги и, зацепившись за нее, тяжело упал, ободрав колени. А когда поднялся, то увидел какую-то мадам, скрюченную и тощую, как старая вешалка. Она потянула Георгия за рукав и хриплым прокуренным голосом произнесла:

– Мсье не желает поразвлечься?

Чернопятов брезгливо отдернул руку и сдержанно произнес:

– Как-нибудь в следующий раз, мадемуазель.

– Я здесь бываю каждый день, – крикнула она вдогонку.

Причал был полутемен. Немногие фонари освещали лишь трап и узкую полосу берега. Глухо бухнул позади выстрел, и отчетливо раздались крики. У причала стоял пароход с работающим двигателем. Он явно готовился к отплытию.

– Погодите! – заорал Георгий, рассмотрев морячка, поднимающего трап. – Подождите!

Корабль был большой, трехпалубный. Опершись о перила, на Чернопятова сверху посматривала праздная публика.

– Вы куда? В Америку? – спросил Чернопятов по-английски.

– Чего это он там лопочет? – поинтересовался морячок по-русски у стоявшего рядом мужчины.

Тот, пыхнув сигаретой, отвечал безо всяких интонаций:

– Спрашивает, не в Америку ли.

– В Россию... На кой ляд нам эта сраная Америка! Ты с трапа-то сойди. А то ведь я тебя, басурманская рожа, в море стряхну, прямиком к акулам, – вежливо сказал морячок и добрыми глазами посмотрел на Чернопятова.

Внутри у Чернопятова все сжалось – Россия не Америка!

Он посмотрел назад – и рассмотрел прыгающие силуэты. Уже через несколько секунд они будут на пирсе.

Эх, была не была! Не впервой в омут-то башкой!

– Браток, в Россию мне надо! В Россию! – разрывая легкие, завопил Чернопятов и, грохая ботинками, вбежал по трапу на корабль.

– Да ты никак русский? – обескураженно протянул морячок. – Только билет-то твой где?

– Здесь мой билет, – протянул Георгий ему пачку денег.

Морячок воровато глянул в сторонку и вытянул из его ладони деньги.

– С капитаном бы еще поговорить... Что он скажет?

– У меня и для капитана билет найдется! – радостно заявил Чернопятов.

– Ну, тогда полный порядок, – поднял морячок трап.

Звонко ударили склянки, и корабль, прогудев в последний раз, медленно отошел от берега. А на пирсе заматались три фигуры в темных костюмах.

Глава 4

Это фальшивка!

Письмо от Парамона было какое-то жалостливое. Будто бы чернила были настояны на стариловских слезах. Савелий, знавший старика очень хорошо, даже не подозревал, что тот способен на подобную сентиментальность. И, перечитывая короткие рубленые фразы, начертанные слабеющей рукой, чувствовал, как его душа скукоживалась до маленького горького комка. Савелий никогда не думал, что в письме можно передать малейшие сердечные переживания. А ведь старый Парамон далеко не Бальзак. Обыкновенный хитрованец, выросший среди отбросов общества. Писал Парамон Миронович о том, что крепко состарился, что у него разболелись опухшие суставы, и если Савельюшка не вернется в ближайший год, то вряд ли им суждено свидеться на этом свете.

Парамон Миронович не умел просить, а если все-таки сподобился, стало быть, дела его были не ахти и следовало срочно принимать решение.

Нечего было и думать о том, чтобы ехать в Россию под собственной фамилией. Уже на границе его возьмут под стражу и с подобающим торжеством спровадят в Петропавловскую крепость.

Хорошие документы можно было выправить. В настоящее время Париж представляет собой едва ли не официальный филиал всевозможных партий, многие из членов которых были на нелегальном положении. За хорошие деньги здесь выправят не только нужные печати, но и все сопутствующие визы. Впрочем, можно будет обратиться и к своим. Такой человек у Савелия был – молодой и талантливый художник, нахватавшийся анархических идей. Сейчас он зарабатывал тем, что делал копии известных полотен. А однажды, разоткровенничавшись, он поведал историю о том, что написал картину на библейский сюжет и выдал ее за работу великого Рембрандта. Что удивительно, картину признали подлинником. Даже ведущие эксперты восторгались неожиданно обретенным шедевром, и художник стал всерьез подумывать о том, не сделать ли ему подобное занятие делом своей жизни.

Ладно, разберемся. А тут еще одна напасть...

В последние дни у Савелия не пропадало ощущение, что за ним кто-то следит. Дважды он повстречал одного и того же мужчину в разных концах города. А это оченьстораживающий симптом. На шпика тот не был похож – те не любят дышать в затылок и предпочитают вести объект на значительном расстоянии. А этот держался очень неумело.

Подобные неприятные обстоятельства можно было бы принять за случайность, если бы однажды Савелий ненароком не заприметил взгляда, брошенного в его сторону.

Нехорошие предчувствия усилились и наложили на общее настроение заметный негативный отпечаток.

– Так, значит, вы его упустили? – посмотрел на Мамая Савелий.

Под взглядом Родионова верный слуга чувствовал себя очень неуютно. Вроде бы ничего такого и не сказано, а вмиг превращаешься в постреленка, угодившего в цепкие лапы дворника.

– Упустили, хозяин, – нешуточно повинился Мамай, взмахнув в досаде рукой. – Шустрый оказался, стервец. Кто бы мог подумать! Но ничего, далеко не уйдет. Пароход-то в Россию направился, вот там-то мы его и встретим.

– Да-а, как же это вы так? – посмотрел Савелий на Мамая, но ответного взгляда не отыскал.

Татарин виновато потупился и отвечал:

– Не думали мы, что он из ресторана-то уйдет. Ведь все выходы перекрыли, а он через сортир удрал. Решетка там была слабая, выдернул ее, стервец! Хозяин, а кроме нас, ты за ним никого не посылал?

– А что такое? – насторожился Родионов.

Мамай озадаченно почесал затылок:

– Да за ним какие-то люди бежали, до самой пристани. Кто такие, мы так и не разобрались. Попытались за ними проследить, да они прямо растворились, дело-то ночью было.

– Странно.

– Во-во, и я об этом же! – подхватил Мамай.

– Ладно, выясним. Вот еще что, у меня такое чувство, что за мной кто-то наблюдает. Возможно, я и ошибаюсь, но ты постарайся посмотреть, может быть, кто-то действительно дышит мне в спину.

– Хорошо, хозяин, – пообещал верный Мамай. – Сделаю.

– Сейчас мне надо идти, – поднялся Савелий. – У Лизы день ангела, хочу купить ей букет цветов.

– Ну конечно, – энергично поддакнул Мамай, поднимаясь следом.

Савелий остановился у одного из цветочных магазинчиков. Витрина была красиво выложена нарциссами и фиалками. Стоили они недорого. Даже бедняку по силам купить небольшой букетик. Но Савелия интересовал розарий, приметный уголок Булонского леса.

Махнув тростью, Савелий остановил пролетку и живо распорядился:

– В розарий!

Молодой возничий понимающе кивнул и поторопил лошадку.

Несмотря на ранний час, ворота розария были открыты. В глубине аллея, под прозрачной крышей продавали ярко-алые розы. Садовник, старик с благородной внешностью, знал Савелия в лицо и поздоровался с ним издали, вежливо наклонив голову:

– Вам, молодой человек, как всегда, розы цвета румянца?

– Да, отберите, пожалуйста, самые лучшие. Семь штук.

– Как вам будет угодно, – слегка поклонился старик.

Склонившись, цветочник стал выбирать подходящие экземпляры. Елизавета любила именно этот цвет. Не кричащие ярко-красные, не дерзкие с фиолетовым отливом, а именно такие, застенчивые, трогательные, будто бы наполненные невысказанной грустью. Вчера она обратила внимание на отсутствие кольца, и Савелию пришлось признаться, что оно нечаянно слетело с его руки. Елизавета сделала вид, что ничего не произошло, но обиду затаила. И теперь ему предстояло загладить вину.

– Пожалуйста, – протянул букет старик.

– Спасибо, – Савелий отдал деньги.

Суммы хватило бы еще на один букет, и старый цветочник был несказанно рад.

– У вас отличный вкус, – вдруг услышал Савелий за спиной чей-то голос.

Родионов резко обернулся и увидел того самого человека, с которым пару раз сталкивался на улицах. Выходит, что предчувствие не обманывало его.

– Вы разбираетесь в цветах? – спросил Родионов, разглядывая незнакомца.

Тонкие черты лица. Далеко не разбойничий вид. Аристократичен. Правда, слегка толстоват, но это не особенно его портит. Люди такого облика – частые гости в светских салонах.

– О да, конечно! – чуть напыщеннее, чем следовало бы, произнес мужчина. – Особенно в парижских.

– А разве есть разница между парижскими цветами и какими-то другими?

– Сразу видно, молодой человек, что вы недавно в Париже. А разница между тем очень большая. – Он говорил тоном профессора, читающего лекцию неподготовленной аудитории. – Все дело в том, что каждый цветок имеет в Париже свой смысл.

– Вот как? – делано удивился Савелий, подыгрывая незнакомцу. Он еще не определился, как следует себя вести. Но все-таки приятно было ощущать в правом кармане пиджака тяжесть «браунинга».

Неторопливо они двигались вдоль галереи, перекладины которой оплетали многочисленные кусты роз.

– Особенно это касается роз. Вы заметили, что розы полны страсти, даже самые целомудренные из них. Что подделаешь, они всего лишь дети своего города и напоминают Париж. Хризантема выражает глубокую печаль. Омела – вечное обновление. Поэтому ее дарят на Рождество. А вот ландыш – это символ нежности и безмолвного излияния. Фиалка – знак скромности и обаяния. Но если вы хотите сказать даме сердца о своих жгучих чувствах, то в этом случае ей лучше преподнести гвоздику. Это, молодой человек, целая наука! Вот так-то. А что касается розы... то она – царица из цариц. Трудно отыскать народ, который не поклонялся бы ей. Давайте присядем, у меня к вам имеется очень серьезный разговор.

– Я тороплюсь...

– О, нет, – взмахнул руками незнакомец. – Я не задержу вас надолго. Давайте устроимся вот на этой скамье. Здесь особенно уютно.

– Ну, если ненадолго, – пожал плечами Савелий.

Сели почти одновременно. Аромат от роз был сладко пряным, пьянил.

– Итак, что вы мне хотели сообщить?

– Можно мне быть с вами откровенным? – серьезно спросил незнакомец.

Савелий усмехнулся:

– Разумеется.

– Тогда хочу представиться... Тимофей Степанович Барановский. Фабрикант. И очень состоятельный человек. Но дело не в этом. Я бы хотел, чтобы вы украли для меня одну картину...

В груди у Родионова похолодело:

– Это шутка?

– Один из главных моих недостатков заключается в том, что я совсем не умею шутить. Только, пожалуйста, не надо притворяться, я знаю о вас очень много. Эта информация стоила мне очень дорого. Но я не собираюсь об этом распространяться. Ну, разумеется, если вы, конечно, не откажете в моей скромной просьбе.

Савелий натянуто улыбнулся и негромко произнес:

– Что-то везет мне в последнее время на шантажистов.

– Что вы сказали?

– Я говорю, если вы такой состоятельный человек, так почему бы вам просто не купить эту картину. Разве я не прав?

– Хм... Сразу видно, что вы никогда не сталкивались с подобными вещами. Деньги у меня действительно есть, но все дело в том, что эта картина не продается... ни за какие деньги!

Вокруг во множестве летали шмели и пчелы. Их басовитое гудение раздражало Савелия, казалось, что они только тем и заняты, что выискивают подходящее местечко для того, чтобы юркнуть за шиворот.

– Понятно... И у кого же вы предлагаете мне выкрасть картину?

Барановский сделал паузу, а потом произнес:

– Из замка графа д'Артуа.

Савелий невольно расхохотался:

– Вы шутите! Этот замок охраняют куда крепче, чем любой банк. Там сигнализация, охрана, огромный штат прислуги...

– Все это действительно так, но картину невозможно украсть только на первый взгляд, – мягко успокоил Барановский. – Граф очень тщеславен и честолюбив, любит показывать

полотна своим многочисленным гостям. Разумеется, не все его картины шедевры, среди них есть и откровенные подделки. Словом, в замок можно проникнуть под вполне благовидным предлогом.

Савелий вновь усмехнулся:

– И как я, по-вашему, буду красть эту картину? Возьму ее под мышку и уйду? Так, что ли? Барановский неопределенно пожал плечами:

– Дело ваше. Напрягите фантазию. Насколько мне известно, отсутствием фантазии вы не страдаете. Кстати, вы случайно не слышали такую фамилию – Винченцо Перуджи?

– Это случайно не тот итальянец, что украл из Лувра «Джоконду»? – спросил Родионов.

– Похвально, что вы осведомлены об этом. Он самый. В свое время эта история наделала немало шума. И знаете, что он ответил, когда у него спросили, как ему удалось украсть величайшую картину всех времен и народов из одного из самых охраняемых музеев мира?

– Просветите.

– Он ответил, что просто снял ее со стены. Возможно, вам придется проделать то же самое.

– Я знаю, что в то время, когда он ее снимал со стены, в Лувре шел ремонт.

– Хм, верно. Вы знакомы даже с деталями. Следовательно, вам нужно будет придумать нечто подобное.

– Я хочу знать, что за картину мне предстоит выкрасть?

– Андреа Мантенья, «Святой Лука».

– Вы можете хотя бы сказать, где она висит?

– На первом этаже, в холле. Она небольшая, всего лишь около метра в длину. Ее можно вырезать из рамы ножом. Само полотно прикреплено марлей к раме. – Барановский неожиданно поднялся. – Давайте поговорим пообстоятельнее на эту тему, скажем, послезавтра. Встретимся здесь в это же самое время. Розарий – чудеснейшее место в Париже, а какой здесь запах!

И, не оглядываясь, направился к выходу, приостанавливаясь у гроздей роз, причудливо свешивающихся вниз.

Савелий, держась на расстоянии, направился следом. У выхода его поджидал Мамай.

– Видишь того мужчину в темном костюме и с белой тростью? – Вижу.

– Постарайся проследить за тем, куда он направляется. Мне нужно знать о нем как можно больше, – приказал Савелий. – Встретимся здесь же часа через полтора.

– Хорошо, хозяин, – ответил Мамай и направился за Барановским.

Побродив по саду и около замка, Савелий не заметил, как пролетело время. Мамай уже вернулся и терпеливо поджидал его. Париж действовал на него благотворно, он уже не походил на дикого разбойника, каким выглядел всего лишь год назад. Теперь он напоминал богатого бездельника, решившего помечтать в одиночестве.

– Так что там? – спросил Савелий, присаживаясь рядом. Крепкие ладони удобно успокоились на круглом набалдашнике трости.

– Живет он в центре Парижа на Вандомской площади, – сообщил Мамай. Савелий слегка улыбнулся. Вот что делает с человеком цивилизация: каких-то полгода назад Мамай считал, что на Елисейских полях выращивают картошку, а теперь научился держаться так, как если бы был вскормлен французской мамкой. – Снимает целый этаж. Собирает картины. Консьержка рассказала, что у него не квартира, а целый музей. Только я хочу сказать, хозяин, не понравился он мне.

– Это отчего же? – усмехнулся Савелий. – С виду такой положительный мужчина.

– Полицейским от него за версту разит. А у меня на них нюх особый.

– С чего ты это взял-то? – насторожился Савелий.

– Взгляд у него дурной, – просто отвечал Мамай, глядя прямо перед собой.

– Тебе бы, Мамай, только хиромантией заниматься, – беззлобно укорил слугу Савелий. – А что касается его взгляда, так он у тебя не легче.

Мамай обиделся всерьез, губы его сухо поджались:

– Я ведь не просто так говорю. Два раза к нему люди какие-то подходили и почтительно так беседовали. А он с ними разговаривал, как городской с хитрованцами.

Глаз у Мамаю был верный, и не прислушаться к его наблюдениям было непростительной глупостью.

– Еще что заметил?

– Пистолет он носит в правом кармане, – уверенно продолжал Мамай. – Уж слишком как-то пиджачок на одну сторону тянет.

От внимания Савелия тоже не ускользнула эта особенность костюма нового знакомого.

– Хорошо, – кивнул Савелий, – не отпускай его ни на секунду. Мне важно знать о нем все.

– Понял, хозяин, – живо согласился Мамай.

* * *

Граф д'Артуа жил в загородном поместье неподалеку от Версаля. Небольшой замок, доставшийся ему от предков, он превратил в настоящий музей, вложив в его реконструкцию несколько миллионов франков. Сумма немалая, если учитывать, что для этого пришлось продать часть принадлежащих графу земель, на которых стояло еще два полуразрушенных замка. Жалкие остатки от некогда бывшего могущества. А ведь его предок был братом великого Людовика XIV, осмелившегося провозгласить: «Государство – это я!» Когда-то именно он владел замком в Булонском лесу.

Не разграбь чернь замок в революцию, граф считался бы самым состоятельным человеком во всей Европе.

Графу д'Артуа было что показать. Залы его замка были один лучше другого: богатым был греческий зал; великолепным – римский; торжественным, в золотом убранстве, выглядел египетский, но предметом гордости графа была картинная галерея, где были собраны многие выдающиеся полотна старинных мастеров. Под шедевры граф выделил длинный широкий коридор, проходящий через весь замок.

Особенно граф дорожил картинами Ханса Мемлинга и Антониса Ван Дейка, которые висели на самом почетном месте. По его мнению, они помогали гостям проникнуться настроением замка. И редкий гость проходил равнодушно мимо этих полотен.

Поговаривали, что через руки графа д'Артуа прошли три коллекции шедевров. Первая ему досталась от богатых родственников, он бездарно прокутил и продал ее за бесценок. Случалось, что живописными шедеврами он расплачивался с женщинами, с которыми проводил всего одну ночь.

Вторую коллекцию он приобрел лет тридцать назад, скупая полотна у бедных, но талантливых художников. Кто же мог подумать, что через десяток лет за их картины станут давать огромные деньги. Тогда он купил небольшую виллу на берегу Средиземного моря, и художники в качестве платы за ночлег оставляли ему свои картины, которые со временем вдруг неожиданно выросли в цене.

Картины удалось выгодно продать лет пятнадцать тому назад, а на вырученные средства получилось не только отреставрировать обветшалый замок, но и не думать о будущем.

И вот сейчас граф д'Артуа собирал свою третью коллекцию, сознавая, что уже никогда не заполучить тех шедевров, что однажды судьба вложила ему в руки. Но, будучи человеком тщеславным, он решил собрать такую коллекцию, от которой у современников завяжутся языки в узел. Нельзя сказать, что сейчас он был близок к намеченной цели, но в его собрании уже

была пара десятков блестящих полотен. Продай он их, то смог бы купить еще один точно такой же замок.

С этой коллекцией расставаться граф не желал, ее следовало только приумножать. Если что и пугало его, так это подделки. Две недели назад он пригласил трех экспертов, работающих консультантами в Лувре. Он показал им картину «Три отца» Шарля Лебрена, свое последнее приобретение. Эксперты вдруг единодушно заявили, что она является искусной подделкой. Но это было не единственное разочарование в тот вечер. Тщательно осмотрев другие картины, эксперты неожиданно засомневались в подлинности полотен Рубенса, в которых граф до недавнего времени был уверен. И дело даже не в том, что за эти картины д'Артуа выложил огромные деньги, а в его личном авторитете непревзойденного знатока, который заметно пошатнулся. И теперь коллеги-коллекционеры смотрели на него как на старого чудака, скупающего всякий хлам.

Три месяца назад пятеро известных экспертов предложили детально исследовать все его картины, полагая, что большинство из них просто искусные подделки. Старый граф, опасаясь публичного позора, отказался от нежелательных услуг. Но уже через месяц тайно обратился к одному из них с аналогичной просьбой, но с непременным условием, чтобы просмотр картин был строго конфиденциальным.

Встреча была назначена на два часа дня, и старый граф заметно нервничал. Для поднятия должного настроения он даже позволил себе пару бокалов вина. И все-таки, когда назначенное время пробило, он понял, что не готов к предстоящему разговору.

Эксперт пришел вовремя. Вошел в просторный холл и прямоком устремился к двум картинам, висевшим на противоположной стене.

– Я думаю, вы не будете возражать, мсье Дюбаи, если мы начнем сразу с них?

Граф Артуа не случайно остановился именно на этом эксперте. Он был в том возрасте, когда подлинная ценность картин интересовала его куда больше материальных благ.

Дюбаи имел благородную внешность: до самых плеч спадали длинные седые волосы, в грудь упиралась густая посеребренная борода. Чем-то очень неуловимым он напоминал Леонардо да Винчи.

Остановившись около картины Андреа Мантеньи «Святой Лука», Дюбаи неожиданно попросил:

– А нельзя ли взглянуть на эту картину с противоположной стороны.

– Что вы имеете в виду? – не понял граф.

– Мне бы хотелось посмотреть, как загрунтовано полотно. Понимаете, в каждое время это делалось по-своему.

Граф пожал плечами:

– Ну, если это нужно для дела... Пожалуйста, приступайте, – разрешил граф. Для себя он уже решил, что, кроме положенного гонорара, он разопьет с экспертом бутылочку крепкого коньяка. Но, судя по изменившемуся лицу эксперта, оснований для торжественных возлияний было маловато.

– Очень хорошо, – неожиданно проговорил эксперт, просветлев лицом. – Я вижу, что это холст середины шестнадцатого века. Безо всякого сомнения, – твердо произнес он. – Сейчас таких просто не делают.

– Значит, картина подлинная, мсье Дюбаи? – спросил старый граф, стараясь не выдать своего волнения, и посмотрел на стол, где возвышалась бутылка коньяка.

– Я бы не спешил торопиться с такими выводами, уважаемый граф, – предостерегающе произнес эксперт. – Вы знаете о том, что в то время картины рисовали кистями из барсучьего волоса?

– Признаться, впервые слышу, – несколько растерянно отозвался граф.

– Сейчас таких кистей не производят. Да и технология их изготовления практически утеряна. Такие кисти можно отыскать разве что в старых мастерских. И то для этого придется очень потрудиться. Сейчас кисти другие, немного помягче. И мазок они дают совершенно иной. В старых кистях было свое очарование. Конечно, они были намного жестче, но тем самым придавали картине какой-то неповторимый шарм.

Слуге ничего не нужно было даже говорить. Его сиятельство бросило взгляд на бутылку коньяка, а следовательно, настало время разливать напиток по крохотным рюмкам.

Элегантно, очень профессионально слуга выдернул пробку и разлил коньяк в две рюмки, едва покрыв напитоком донышко. И на крохотном подносе поднес коньяк графу.

Д'Артуа взял рюмку, одним глотком профессионального выпивохи опрокинул ее. Благодарить не стал, лишь поставил рюмку на край подноса и тут же взял вторую. Все ясно, граф решил напиться в одиночестве. Удивляться слугам не полагалось.

– Возможно, – сдержанно согласился д'Артуа.

– А потом, видите вот этот синий цвет? Я бы сказал, что он недостаточно сочен для того времени. Знаете, почему у старых мастеров получались такие насыщенные цвета?

– Просветите, ради бога.

– А потому что они использовали настоящие минералы и различные природные соединения. Например, киноварь, охру, малахит. Вы посмотрите повнимательнее на синий цвет. Обратите внимание?

– На что? – не понял граф.

– Он не соответствует природному соединению. Художники эпохи Возрождения применяли лазурит, причем тщательно растирали его в ступе. Но даже в этом случае попадаются крошечные кусочки, которые видны под лупой. – Дюбаи достал лупу и принялся детально изучать краску. – Вот, взгляните, здесь совершенно однородная масса. Это далеко не минерал. И краска эта, скорее всего, куплена в обыкновенной художественной лавке.

Граф д'Артуа посмотрел на слугу. Молодой человек уже держал в руках поднос. В этот раз на нем стояла всего лишь одна рюмка. Он вновь предугадал желание хозяина. Взяв в руки лупу, граф долго рассматривал краску. Под сильным увеличением полотно не выглядело ровным, а наложенная краска напоминала холмистую поверхность. В одном месте граф заметил несколько ворсинок от кисточки, и поди разберись, что это такое: не то обыкновенная небрежность, не то гениальный замысел художника.

– Значит, вы предполагаете, что это фальшивка? – убито спросил граф.

Дюбаи устало улыбнулся:

– Я не предполагаю, уважаемый граф, – в голосе эксперта прозвучала жалость. – Я знаю это совершенно точно.

Подобное утверждение следовало основательно переварить. Граф д'Артуа протянул руку, и тут же проворный слуга немедленно сделал несколько торопливых шагов.

– Пожалте, ваше сиятельство!

Граф взял рюмку с коньяком и слегка взболтал. Напиток был цвета темно-желтого янтаря, необычайно насыщенный и очень густой. Его капли неохотно стекали по стеклянной поверхности. Посмотрев коньяк на свет, граф выпил.

– Ах, вот оно как! – выдохнул граф, закусив маринованными шампиньонами. – Да-с, такое трудно переварить. А что бы вы мне посоветовали?

Эксперт потерев ладонью бородку и задумчиво заговорил:

– Уважаемый граф, вы стали жертвой самого обыкновенного обмана. Скажу вам определенно, подделка очень хороша... Но, думаю, вам от этого не легче.

– Может, я чего-то не понимаю, но холст же середины шестнадцатого века!

– Все верно, – охотно согласился Дюбаи. – Скорее всего, фальсификатор купил какую-нибудь мазню шестнадцатого века. Для него было важно само полотно! Потом он тщательно смыл картину, а на холсте написал то, что вы сейчас изволите видеть.

– Но эта же картина прошла сертификацию, – продолжал надеяться граф.

Дюбаи сочувственно улыбнулся:

– Все верно. Так и должно быть. Разве вы бы купили картину без сертификации? На это и рассчитано, уважаемый граф. Позвольте узнать, где вы ее приобрели?

Граф на секунду задумался, соображая, стоит ли откровенничать, а потом отвечал:

– Я ее выкупил на аукционе.

– Ну, вот видите! Сертификат – это паспорт картины, а для того, чтобы получить его, сначала картину где-то выставляют. Например, на какой-нибудь выставке. И уже тогда в этом паспорте будет указано, что картина такого-то мастера найдена совершенно случайно и выставлена на выставке или где-нибудь в музее. Все это отработано, граф... А если таких надписей будет, к примеру, не одна, а целая дюжина, да еще с шумихой в прессе по поводу неизвестного ранее шедевра? Разве вы не заинтересуетесь?

– Нечто подобное как раз и произошло. И это обстоятельство сыграло определяющую роль, – уныло признался граф.

– Ну, вот видите! – почти радостно воскликнул Дюбаи.

– За эту картину заплачены очень большие деньги... Вы бы не посоветовали мне, как теперь следует поступить с этой... картиной?

Эксперт задумался. Подняв подбородок, он, нисколько не смущаясь изучающего взгляда графа, почесал заросшую шею.

– Денег своих вы не вернете... Это точно! А потом, если вы вдруг захотите ее продать и обман обнаружится, то может пострадать ваша репутация. А ее, как известно, не купишь ни за какие деньги. Я бы в вашем положении посоветовал без шума поменять картину на что-нибудь аналогичное.

– В таком случае вы не могли бы мне кого-нибудь рекомендовать? – Граф, заметив рассеянный взгляд Дюбаи, продолжил: – Разумеется, за хорошее вознаграждение. Я ведь все понимаю.

– Дело весьма щекотливое, надеюсь, вы войдете в мое положение. – Эксперт явно мялся. – Дело не только в деньгах, я ведь могу потерять и свою репутацию. А это на старости лет очень тяжело.

– Часть денег я могу дать сейчас, – настаивал граф. Он сунул руку в карман и вытащил кожаный портмоне. – Десять тысяч франков вас устроят?.. Нет, возьмите двадцать!

Дюбаи пожал плечами:

– Право, даже не знаю, как и поступить. Ну, если вы, конечно, так настаиваете, – с явной неохотой он взял деньги и несколько торопливо сунул их в карман. – Хотя, признаюсь, эти ваши деньги будут мне очень кстати. Я тут слегка поиздержался. Ну, вы меня поймете....

Граф понимал и солидарно рассмеялся:

– Ну конечно, разве мы не мужчины!

– Так вот, я знаю человека, который приобрел бы эту картину. Если ему продавать ее дешево, то он заподозрит неладное. Если же дорого, то у него просто нет таких денег. Единственная возможность, так это обменять ее на полотно Веласкеса «У врат рая».

Глаза старого графа блеснули азартом.

– Был бы вам очень благодарен. А знаете что, не пойти ли вам ко мне постоянным экспертом. Кроме разового вознаграждения, вы будете получать ежемесячный оклад, который значительно будет превышать ваше нынешнее жалование.

– Мне лестно ваше предложение.

– Вот и договорились, – граф слегка повернулся. На подносе уже стояли две рюмки с коньяком. – Так давайте закрепим наше с вами сотрудничество!

На несколько секунд в комнате повис хрустальный звон. Граф промокнул влажные губы салфеткой, а потом спросил:

– Так когда я мог бы... получить Веласкеса?

– Завтра у меня как раз состоится встреча с этим господином. Я передам ему ваше желание обмена. Уверен, что он захочет приобрести эту картину немедленно. Но здесь важна тоже своя тактика. Я бы посоветовал вам потомить его хотя бы неделю.

– А кто он такой, разрешите полюбопытствовать?

– Один чудаковатый русский.

– Хорошо. Передайте этому русскому, что я жду его через неделю в это же самое время.

Кивком головы граф д'Артуа отпустил верного слугу. И тот, приподняв подбородок, торжественно понес поднос, словно это было полковое знамя. Все аристократы такие тонкие – следовало понимать, что визит пришел к своему завершению.

Дюбаи на секунду задумался. Коньяк был хорош.

– Я вот что подумал, уважаемый граф, ваше имя ни в коем случае не должно быть замешано здесь. Если вы мне доверяете, то я бы мог сам предложить ему эту картину.

– А что вы ему скажете?

– Что картину взял у перекупщика и работаю за свой небольшой процент.

Граф ненадолго задумался, а потом отвечал, снимая картину со стены:

– Ваша репутация очень высока, мсье Дюбаи. Возьмите... Буду очень рад увидеть вас через неделю в своем доме с картиной несравненного Веласкеса.

* * *

Мантенье, как никакому другому художнику, удавался крупный план, и эта картина не была исключением. Безвольное тело ослабевшего Луки было привязано к круглой мраморной колонне. Голени туго стянуты толстой веревкой, руки за спиной – пут не рассмотреть. Из икр и бедер торчали стрелы. Живот прострелен, и окровавленный наконечник выпирал из левого бока устрашающим колючим жалом. Пожелтевшее лицо святого выражало неимоверное страдание. На переднем плане изображен курчавый лучник с огорченным лицом. Было заметно, что юноша раздосадован промахом. Правой рукой он уже извлекал следующую стрелу и, видно, выбирал на теле Луки уязвимое место. Картина выглядела настолько реалистично, что Савелию подумалось, будто Мантенья был свидетелем события, случившегося без малого два тысячелетия назад.

– Впечатляет? – довольно спросил Дюбаи.

– Да, все-таки старые художники знали свое дело. Я совершенно не понимаю нынешнего авангардизма. У меня такое впечатление, что его придумали те художники, которые не умеют рисовать.

Эксперт лишь слегка пожал плечами:

– Суждение спорное.

– Хорошо, – произнес Савелий. – Я доволен вашей работой. Вот ваши долговые расписки, – положил он перед Дюбаи аккуратно сложенные бумаги. – И еще один совет...

– Какой же?

– Если не умеете играть в карты, так не садитесь за карточный стол совсем.

Старик торопливо сунул расписки в карман.

– Постараюсь учесть это.

– Это действительно подлинник? – Савелий в упор посмотрел на эксперта.

Взгляд старика был прям.

– Нет никаких сомнений.

– Ну, что ж, – задумчиво протянул Родионов, – я полагаюсь на вашу компетентность. А это вам дополнительное вознаграждение. – Савелий положил перед Дюбаи конверт. – Здесь пятьдесят тысяч франков. В вашем положении они будут весьма кстати.

Конверт столь же быстро скрылся во внутреннем кармане пиджака.

Прежде чем обратиться к Дюбаи, Савелий долго присматривался к нему и с удивлением вдруг понял, что эксперт далеко не тот человек, которого пытается играть. Безусловно, он был человеком высочайшего профессионализма, и вряд ли в Париже можно было бы отыскать специалиста более компетентного в искусстве, нежели он. И совсем не случайно лучшие музеи мира привлекали его в качестве эксперта для своих коллекций. Но вместе с тем он обладал едва ли не всеми человеческими пороками. И просаживал в карты все свои сбережения. В силу стариковской немощи отношение к женщинам у него было особенным. Дюбаи предлагал женщинам раздеваться в своем присутствии, за что платил им немалые деньги. А так как он был человек с очень высоким художественным вкусом, то, как правило, на роль моделей привлекал самых очаровательных женщин Парижа, среди которых были известные модели и балерины.

Трудно сказать, какие слова он им нашептывал, чтобы уговорить на сеанс, но мало кто из них отказывался от предложения забавного старика.

Вольностей себе Дюбаи не позволял. Единственное, что он мог сделать, так это погладить ладошкой грудь понравившейся прелестницы.

Савелий посмотрел на разволновавшегося старика и произнес, пожав плечами:

– Даже и не знаю, куда вы деньги-то деваете.

– Коплю на черный день, – проговорил старик и плотоядно захихикал.

* * *

– Знаете, мне доставляет истинное удовольствие работать с вами, – произнес Барановский. – Я никак не думал, что вы сможете так скоро достать «Святого Луку». Право, я удивлен! Признайтесь мне, как вам удалось ее раздобыть. Вы подкупили слуг? Хотя не уверен: все слуги служат у графа по многу лет и очень преданы своему хозяину. – Барановский чуть отошел от картины и принялся разглядывать сочные краски.

Савелий усмехнулся:

– Давайте не будем гадать. Картина эта не украдена. Никто искать ее не будет, так что можете распоряжаться ею по собственному усмотрению.

– Вы и вправду необыкновенный человек. Никогда не думал, что граф д'Артуа решит добровольно расстаться с жемчужиной своей коллекции. Признаюсь, не ожидал... Не ожидал... А вы случайно не интересуетесь искусством? – неожиданно спросил Барановский.

Савелий показал рукой на картину:

– Как видите, пришлось.

– Понимаю. Значит, равнодушны. А я вот этим делом занимаюсь очень серьезно. В картинах великих мастеров есть что-то необыкновенное. А знаете, почему? – спросил он, бережно трогая полотно. Он обращался с ним так нежно, словно пеленал грудного младенца.

– Отчего же? – хмыкнул Савелий, наблюдая за плавными движениями Барановского.

– Потому что они несут в себе отпечаток своего времени. Взгляните на эту картину. Она отражает тревогу. В этот период Италия была раздираема междоусобицами. Или вот этот замок, – показал он ладонью на задний план, где проглядывали полуразрушенные строения амфитеатра. – Что он вам напоминает? – Барановский прищурился. – Чудовище!.. А есть картины, которые приносят в души успокоенность. Они написаны в то время, когда государство процветало. Все эти переживания очень легко передаются зрителю. А по некоторым из них и

вовсе можно увидеть грядущие потрясения. Когда смотришь на все это, неизбежно думаешь, что великие мастера пророчествовали своим творчеством.

Барановский завернул полотно в плотную бумагу и перевязал сверток лентой. Теперь картина, стоимостью почти в полумиллион франков, напоминала легкомысленный подарок, купленный на ближайшем рынке.

– Теперь, надеюсь, мы с вами в расчете? – спросил Савелий.

Барановский взял картину под мышку и, лукаво улыбнувшись, произнес:

– Я тоже на это надеюсь, – и, приподняв шляпу, негромко добавил: – Честь имею. Я слышал, что тяжело заболел ваш приемный отец, Парамон Миронович... желаю ему скорейшего выздоровления.

Щелкнули замки затворяемой двери. А еще через минуту на лестнице раздались удаляющиеся шаги. Савелий успел пожалеть о том, что встреча состоялась именно в этой его уютной квартире на площади Шатле. Он сделал ошибку, когда привел гостя в свою берлогу, теперь квартиру придется срочно менять. Для предстоящего свидания можно было бы снять какую-нибудь тихую квартирку на Монмартре. Во всяком случае, человек, вышагивающий со свертком в руках, там ни у кого не вызовет интереса.

Савелий подошел к окну и слегка отодвинул занавеску. В центре площади возвышался фонтан Шатле. Из открытой пасти сфинкса упруго изливалась вода. А вот это уже интересно. Господин Барановский уверенно пересек площадь, осмотрелся и вдруг изучающе уставился на голову сфинкса. Он смотрел на нее с таким вниманием, словно они приятельствовали в прошлой жизни. Еще через несколько минут к нему подошел высокий человек с белой тростью. Оба о чем-то возбужденно заговорили, энергично жестикулируя, а потом разошлись в противоположные стороны, словно чужие.

Но откуда он узнал про Парамона? Странно все это. А это его предупреждение быть осторожным?

В дверь позвонили. Мамай! Сбросив цепочку с двери, Савелий впустил гостя.

Перешагнув порог, Мамай заговорил:

– Барановский сегодня целый день встречался с какими-то непонятными людьми. Похоже, что он у них за старшего.

– Чем занимаются эти люди?

– Сразу так и не поймешь. Встречаются, разговаривают. Двое из них работают в какой-то типографии, не то революционеры, не то газетчики. – И, махнув рукой, Мамай добавил безнадежно: – Все они одним миром мазаны.

– Возможно, – задумчиво протянул Савелий. – Постарайся как можно больше разузнать об этих людях.

– Понял, хозяин, – отвечал верный Мамай.

Едва Мамай ушел, как в квартире вновь раздался звон колокольчика. Открыв дверь, Савелий увидел хозяина дома. Строго насупившись, тот произнес:

– Мсье, вами интересовалась полиция. Вынужден отказать вам в жилье. Мне не нужны лишние неприятности.

* * *

Комиссар с интересом рассматривал сидящего напротив Родионова. Тем же самым, но с заметным безразличием занимался и Савелий.

Комиссар полиции Лазар был сравнительно молод, заметно полноват и на первый взгляд производил весьма благоприятное впечатление. Чем-то он напоминал добродушного и разнеженного кота, готового сомлеть под теплой хозяйской ладонью. Из-под густых черных бровей на Родионова смотрели умные внимательные глаза, которые замечали малейшее движение и

анализировали его со всей тщательностью. Очевидно, комиссар был человеком выдающихся способностей, иначе бы ему не занимать такого высокого кресла в столь молодом возрасте. Даже если предположить, что должность досталась ему по серьезной протекции, то все равно нужен недюжинный ум, чтобы заставить поверить других в то, что ты находишься на своем месте. Руки комиссара покоились на высоких подлокотниках, поза его была слегка расслабленной, он как будто бы распластался в кресле, слился с ним. И, судя по положению его тела, чувствовалось, что вставать ему было лень. А предстоящее дознание он воспринимал как заслуженный отдых в конце рабочего дня. На первый взгляд в комиссаре не было ничего такого, что заставило бы поверить в его выдающиеся способности. Но, скорее всего, леность была наигранной, чтобы усыпить бдительность собеседника.

Интересно, по какому поводу его вызвали? И вообще, как в полиции стало известно, что Савелий снимает эту квартиру, ведь он нигде не регистрировался? Однако французская полиция работает неплохо, не в пример царской.

Савелий сдержанно улыбнулся. Лицо комиссара вдруг приняло отчужденное выражение, как если бы он лицезрел перед собой неодушевленный предмет.

– Я вот о чем хотел вас спросить, – наконец произнес комиссар. Голос у него оказался мягким и словно бы убаюкивающим. С такими интонациями лучше читать воскресные проповеди, а не устраивать дознание. – Зачем вы убили мсье Дюбаи?

От неожиданности Савелий подался вперед:

– Простите, что вы сказали?

– У вас, очевидно, туговато со слухом, мсье Родионов, – искренне пожалел Савелия комиссар. – Я хотел полюбопытствовать, зачем вы убили эксперта Дюбаи?

– Ну, знаете ли... Зачем мне это надо?

Комиссар хмыкнул. Получилось у него это очень забавно. Верхняя губа высоко приподнялась, обнажив крупные зубы, напоминающие резцы кролика. Савелий готов был поклясться, что среди сослуживцев он имел какое-нибудь неблагозвучное прозвище. Например, Хорек! – Вот смотрю я на вас, и сам думаю о том же самом. Человек вы образованный, состоятельный. Что могло вас толкнуть на такое? Деньги? Но они у вас есть. Ревность? Но ваша спутница любит вас до безумия! Тогда что?

– Простите, а где же он был убит?

Губа неприятно поднялась вновь:

– И это вы у меня спрашиваете? А вы, я вижу, подзабыли. Его убили в борделе... неподалеку от Мулен Руж.

– С чего вы взяли, что убийцей был именно я?

– В кармане убитого был обнаружен клочок бумаги, на котором был записан ваш адрес. Кстати, именно поэтому мы вас так быстро отыскивали. В бордель он пришел не один и, судя по описаниям свидетелей, как раз в вашем обществе. Что вы на это скажете?

– Полный бред! Я не хожу в подобные заведения. Мне, знаете ли, хватает впечатлений и в повседневной жизни. И как же был убит мсье Дюбаи?

– Ему затыкнули на шее веревку в комнате, где он дожидался свою девушку.

– Занятно, однако... Если вы мне не верите, то устройте очную ставку со свидетелями. Вряд ли они узнают во мне спутника месье Дюбаи.

– Не исключено, что мы так и сделаем.

– Уверяю вас, это недоразумение! А записка с адресом отнюдь не доказательство...

– Хм, а ведь вы возмущаетесь искренне. Я вам скажу страшную вещь, – глаза комиссара округлились, – мы никому не должны доверять. Но вам я верю, – откинулся комиссар на спинку кресла, отчего оно жалостливо заскрипело. – Есть в вас что-то такое располагающее. Вы можете пойти на крайнюю меру, но для этого у вас должны быть достаточно веские основания. – Комиссар поднялся. Он оказался довольно внушителен и возвышался над столом,

словно скала. – Знаете, у нас просто такая неблагодарная работа. Скорее всего, произошло какое-то недоразумение, – бережно пожал он руку Родионова. – Вы даже не представляете, какое чувство неловкости я испытываю, – комиссар проводил гостя до дверей. – Все-таки вы иностранец, не обвините меня в предвзятости. Извините меня, ради бога, за некоторую бестактность.

– Ничего страшного, – улыбнулся Савелий.

– Да, простите... Совсем вылетело из головы, забыл вам задать еще один вопрос.

– Спрашивайте, – насторожился Савелий.

– Я тут навел о вас кое-какие справки... Судя по тому, что мне рассказали, вы очень известный медвежатник. Но все это на уровне догадок, против вас нет никаких улик, одни только предположения. Меня попросили посодействовать русским коллегам, но чем я могу? – Комиссар пожал плечами. – Ведь вы ведете вполне добропорядочный образ жизни. И у меня к вам нет никаких нареканий.

– Мне это ничего не стоит, – сдержанно отвечал Савелий.

– А правда, что вы взламывали сейфы гремучей ртутью? – Комиссар крепко держал его ладонь в своей и как будто бы не желал с ней расставаться.

– Вы определенно меня с кем-то путаете, господин комиссар, – попытался высвободить свою ладонь Родионов. Это ему удалось почти без усилия. – Я не имею никакого отношения к медвежатникам.

– Возможно... возможно, – рассеянно проговорил комиссар. – Дело в том, что на днях у нас был ограблен «Коммерческий русский банк». И знаете, какая наблюдается особенность? Человек, который это сделал, тоже очень напоминает вас. Правда, на нем был грим, накладные усы, борода. Но если пренебречь всеми этими деталями, то он как две капли воды похож на вас. Господин Родионов, вас не настораживает такое совпадение?

Савелий постарался улыбнуться как можно более безмятежно и верил, что у него это получилось.

– Нисколько.

– А меня вот удивляет другое. Дело в том, что кроме драгоценных камней из сейфа пропала весьма ценная картина, которую хозяин не продал бы ни за какие деньги. Это семейная реликвия, так скажем... Он не рисковал держать ее дома, а поместил на хранение в банк, и теперь она украдена. Разумеется, картина застрахована, но ее уже не вернуть. Во всяком случае, к этому нужно приложить массу усилий.

– Я читал газеты, но нигде не упоминалось о картине.

– Все верно, – легко согласился комиссар, – эта информация конфиденциальная. Но хозяин этого полотна очень серьезный человек и не остановится ни перед чем, чтобы вернуть семейную реликвию. В этом деле есть еще одно непонятное обстоятельство: очевидцы рассказывали, что грабитель заходил в банк со свертком. Вы представляете себе преступника со свертком? – расхохотался он. – Одно дело – пистолет, бомба... А тут просто недоразумение какое-то!

Савелий сдержанно улыбнулся:

– Мне трудно судить, но, возможно, это и вправду очень смешно.

– Кстати, потом этого свертка мы не обнаружили. Даже непонятно, куда он его дел.

– Может, он унес его с собой? – несмело предположил Савелий.

– Исключено, – подумав, отвечал комиссар, – в руках у него был только саквояж. Ну, не смею вас больше задерживать. – Савелий уже приоткрыл дверь, когда Лазар поинтересовался: – Вы, кстати, никуда не думаете уезжать?

– А что, я под подозрением?

– Ну что вы, – воскликнул комиссар, и его лицо расплылось в доброжелательной улыбке, – просто в этом деле могут открыться новые подробности, и ваши... наблюдения, – сумел он наконец подобрать нужное слово, – могут быть весьма полезны. И последнее... вас не удивляет

то обстоятельство, что был убит человек, имеющий к живописи самое непосредственное отношение?

– Я уже давно ничему не удивляюсь, – ответил Савелий. – Честь имею, – мягко прикрыл он за собой дверь.

Часть II

Магические символы

Глава 5

Папа – святой человек

Иннокентий III вошел в Нотр-Дам не сразу. Раздавленный величием собора, он пал перед главными воротами ниц и долго молился, касаясь челою темно-зеленого булыжника, которым была выложена площадь перед храмом. А каменные химеры со скрытым ехидством наблюдали за распластанным папой из-за колонн знаменитого собора.

Римский папа был из графского рода Сеньи, одного из самых могущественных в Европе, так что не было ничего удивительного в том, что в неполные сорок лет представитель этого рода возглавил католическую церковь. Иннокентий III был человеком твердого и независимого характера – он сумел ликвидировать городскую автономию Рима и восстановил свою власть над всей территорией папского государства. Его побаивались не только враги, но и сторонники. Он прославился тем, что неумолимо преследовал всякую ересь.

Епископ Эде де Сюлли стоял в стороне и не мешал Иннокентию III вести разговор с богом. Собравшаяся у собора толпа, сдерживаемая стражей, тоже заметно притихла и в ожидании благословения поглядывала на распростертого папу.

Трудно было поверить, что этот маленький сухонький человек с высокой золоченой митрой на голове является одним из самых могущественных людей на земле. Не далее как вчера вечером он строго выговаривал Филиппу II Августу, и французский король, привыкший слышать только собственный голос, немел в его присутствии.

Короли Англии, Арагона, Португалии признали себя папскими вассалами, а царь Болгарии, упав на колени перед святейшеством, трепетно приложился губами к его ладони. А он вот, оказывается, какой, незаметный совсем, смешался с землей, словно червь.

Наконец Иннокентий III поднялся и, поддерживаемый священниками, двинулся внутрь храма. Перед самым входом он ненадолго остановился, задрав голову, взгляделся в сцены Страшного суда, затем перевел взгляд на пилястру, где возвышалась фигура Христа, и пошел дальше.

Короля рядом с папой не было. Разобидевшись за что-то на его величество, Иннокентий III наложил на короля епитимью, запретив тому месяц появляться в храмах, и теперь Филипп II Август наблюдал за шествием папы издалека, смешавшись с толпой простолюдинов. Лишь высокая золоченая карета, ожидавшая немного в стороне, выдавала его близкое присутствие.

Французский король горел желанием быть рядом со святейшим папой, хотел доказать ему свою преданность, но Иннокентий III суровым взглядом осадил Филиппа II и отказался от торжественного приема, остановившись в аскетических покоях епископа Эде де Сюлли.

Внутри Нотр-Дам был еще более великолепен. Зал выглядел настолько огромным, что, казалось, мог вместить в себя всех жителей Парижа. Папа прошелся вдоль строя массивных колонн и остановился напротив витражей. Рассматривая сюжеты из Библии, он лишь понимающе качал головой, а заметив в центре Мадонну с младенцем, прослезился.

– Я хочу видеть мастера, сотворившего этот витраж, – негромко пожелал святейший папа. Даже если бы он произнес это шепотом, то и в этом случае его услышали бы даже в противоположной стороне храма – такое стояло вокруг безмолвие.

– Хорошо, ваше святейшество, – сказал епископ, – после обеда он предстанет перед вашими очами.

– Вы меня не так поняли, преподобный, – все так же тихо продолжал папа, – я хочу видеть его немедленно.

Епископ Эде де Сюлли, человек мужественный и властный, на этот раз затрепетал (святейший папа и за меньшие грехи строго взыскивал) и отвечал заметно дрогнувшим голосом:

– Его сейчас немедленно разыщут, ваше святейшество.

– Прекрасно, – согласился Иннокентий III, едва улыбнувшись. – Я буду дожидаться.

Эде де Сюлли подошел к настоятелю храма и шепнул ему несколько слов. Разглядев на лице настоятеля усердие, смешанное с ужасом, удовлетворенно отвернувшись, – отец Поль его не подведет и отыщет мастера даже в том случае, если тот будет прятаться под покрывалами одежд кровожадных химер.

Через несколько минут в Нотр-Дам два монаха привели молодого художника, еще юношу. Он даже не успел смыть с рук синюю краску, а его шея и правая щека были испачканы в желтой охре.

Папа с интересом посмотрел на худенького мастера – держался тот очень достойно, совсем без боязни, чего не скажешь о ближайшем папском окружении, – после чего спросил, показав на витражи:

– Это твоя работа, юноша?

– Да.

– Как тебе удается создать такое?

– Сначала я делаю рисунок, а уже потом подбираю цвета, – очень просто сообщил мастер.

– Занятно.

Папа чуть выставил вперед руку.

– Целуй! – негромко подсказал стоявший рядом аббат, заметив замешательство паренька.

Юноша, наклонившись, осторожно взял тонкую и худую руку папы, оставляя на пальцах следы от толченой лазури, припал к ней губами. Он даже не сознавал, какую честь ему оказал Иннокентий III. Сегодня утром в подобном почете он отказал самому королю Франции.

Посмотрев на испачканную ладонь, Иннокентий III едва заметно улыбнулся.

– У тебя божий дар, сын мой. Тебя ожидает великое будущее. Ты можешь нарисовать мне две картины?

– Все, что скажете, ваше святейшество, – дрогнувшим голосом проговорил юноша.

– Вот и отлично, сын мой. На первой картине я хочу видеть сцену из Страшного суда. Пусть все увидят, как черти варят в котлах грешников. – На минуту Иннокентий III задумался, и в храме необыкновенно остро обозначилась тишина, словно прихожане хотели прислушаться к мыслям папы. – Вторая картина пусть будет похожа на эту, – показал перстом папа римский на центральную часть витражей. – Мадонна с ребенком. Сколько времени тебе потребуется для этого?

– Думаю, три месяца, ваше святейшество, – произнес юноша после недолгой паузы.

– Скоро состоится Четвертый крестовый поход во спасение Гроба Господня. Твою картину мы понесем впереди воинства, постарайся управиться за месяц.

– Сделаю, святой отец, – безо всякого сомнения отвечал художник.

Повернувшись к епископу, застывшему в полупоклоне, Иннокентий III произнес без интонаций:

– Заплатите ему столько, сколько он потребует.

– Он не останется в обиде, – заверил епископ.

Епископ Эде де Сюлли происходил из знатного рода. Его ожидала блистательная карьера при французском королевском дворе, но мирским искушениям он предпочел аскетическую жизнь монаха и ни разу не пожалел об избранном пути. В свои неполные тридцать лет он был уже архиепископом. А иерархи церкви всерьез посматривали на него как на возможного преемника стареющего папы.

– Очень надеюсь, – все так же без интонаций ответил Иннокентий III и, благословив ожидавшую его толпу, побрел вдоль портала.

Король Франции в окружении свиты, стиснутой со всех сторон простыми подданными, жался у входа, и по его лицу было заметно, как он завидовал безродному юноше.

* * *

Марсель положил на стол огромный кусок окорока и торжественно водрузил бутылку бургундского вина. В кармане приятно позвякивала пара горстей гульденов. И это только начало! После первой выполненной картины епископ обещал заплатить в десять раз больше, а на эти деньги можно купить дом где-нибудь на берегу Сены и завести большое хозяйство. Луиза стояла подле печи, повязав широкие бедра своим любимым цветастым передником, и выпекала яблочный пирог. Осторожно подкравшись, Марсель обхватил ее сзади за пышные груди. Пальцы мгновенно утонули в мягкой женской плоти.

– Пусти, бесстыдник! – ворчливо проговорила Луиза. Особого протеста не последовало, женщина лишь слегка отстранилась. – Не видишь, что ли, чем занимаюсь? Пирог сгорит!

Марсель не без гордости думал о том, что у Луизы самая великолепная грудь во всей округе, и когда она шла по Парижу, гордо подняв красивую голову, то встречные невольно заглядывались на ее упругие округлости, что волнующе колыхались под легким платьем при каждом шаге. Отправляясь на рынок, Луиза прибегала к маленькой хитрости и слегка распахивала ворот, так что даже у бойких лавочников выторговывала значительные скидки. Глядя на ее необъятный бюст, каждый из них был уверен, что стоит ей только чуток наклониться, как грудь сама вывалится на прилавок.

Марсель знал, что многие из них зазывают ее к себе в гости на бокал вина, обещая за это долговременный кредит на все товары, но Луиза оставалась ему верной женой.

– Да черт с ним, с этим пирогом! – крикнул Марсель. – Я получил заказ на картины! Теперь мы будем богаты! И уже в следующем месяце я собираюсь купить дом! – развернул Марсель Луизу к себе.

Ее великолепная грудь мягко упиралась ему в живот. Луиза была теплой, домашней, доступной и желанной. Марсель ощутил ладонями ее сдобное тело и, уже более не справляясь с чувствами, поволок ее в сторону кровати.

– Пусти! Пусти! Ничего у тебя не выйдет, – заколотила женщина кулачками ему в грудь. – Я сейчас очень занята...

– Нет, только сейчас! Если не хочешь на кровати, тогда сделаем это здесь же, у печи!

– А ты уверен, что папа заплатит тебе столько денег, сколько обещал?

Марсель невольно выпустил Луизу из рук: его всегда удивляла ее способность узнавать новости раньше остальных. И это при том, что она практически не покидала дом. Такое впечатление, что городские вести ей нашептывают в уши ужасные химеры.

– Откуда ты об этом знаешь? – не сдержал удивления Марсель, слегка отстранившись.

– Как же мне не знать, если об этом говорит весь Париж! – удивилась в свою очередь Луиза. И, слегка нахмурившись, продолжала: – Только ты бы не связывался с ними со всеми. Не принесут эти деньги нам счастья.

Марсель с ужасом посмотрел на жену – может быть, она знает то, что ему просто недоступно, ведь ее бабушка была самая известная колдунья в городе.

– О чем ты говоришь! – воскликнул Марсель. – Я художник! И должен рисовать то, что нравится людям!

– А ты знаешь о том, что Иннокентий III балуется с женщинами? А из монашек он набрал себе целый гарем!

– С чего ты это взяла? Женщина! Иннокентий III – святой человек. Тебе бы надо было видеть его вблизи – у него невероятно грустные глаза. Тогда бы ты поменяла о нем свое мнение.

– Если бы это был его единственный грех, – с жаром начала спорить Луиза. – Весь Париж говорит о том, что он забавляется с молоденькими мальчиками. И после каждой вечерней службы к нему доставляют их по целой дюжине!

– Женщина, ты хоть знаешь, о чем ты говоришь! – потряс Марсель руками. – Папа Иннокентий III – воплощение святости! Если бы ты видела, с каким восторгом его встречал весь Париж!

– Им нечего делать, вот поэтому они и столпились! – возразила Луиза. – А я по горло занята домашними делами. Ой, господи! – всплеснула полными руками женщина, метнувшись к очагу. – Из-за тебя у меня сгорел яблочный пирог.

* * *

Картины были готовы ровно через месяц. Закрывшись в мастерской на окраине Парижа, Марсель писал их с утра до позднего вечера, прерываясь только на обед и короткий сон. А когда наконец был сделан последний штрих, он бросил кисточки в горшок с горячей водой и, завалившись на сундук, проспал почти сутки.

Поначалу Марсель хотел показать картины Луизе, но, подумав, решил немного повременить. Женщины не способны во всех тонкостях вникнуть в таинства искусства. По своей божьей сути они существа менее совершенные, чем мужчины, их удел – рожать детей и простаивать у печи. После некоторого размышления на роль эксперта Марсель решил пригласить своего деда, почти столетнего старца, повидавшего на своем долгом веку всякое, как хорошее, так и плохое.

Перешагнув порог мастерской, старик неподвижно застыл перед двумя картинами. Взгляд у деда был холодный, неподвижный, а в черных, глубоко посаженных глазах как будто бы пряталась какая-то колдовская сила. Марселю вдруг показалось, что помещение в этот момент сделалось маленьким, а еще через минуту все пространство вдруг неожиданно уменьшилось до размеров темных пронзительных стариковских глаз.

– Что скажешь, дед? – осмелился поторопить своего первого зрителя Марсель.

– Узнаю, – неожиданно улыбнулся старик. – Мадонна у тебя вылитая Луиза. С нее рисовал?

– Верно, – смущенно согласился художник.

Неожиданно взгляд старика посуровел:

– Она держит на руках сына... А ведь его может и не быть, не поторопился ли ты с ним?

– Что ты такое говоришь, дед! – не на шутку вспыхнул Марсель. – Я же твой внук.

– Поэтому и говорю, – мягко заметил старец. – Ты дальше смотри!

Как считал сам Марсель, сцена Страшного суда ему удалась. В самом верху он изобразил Бога Отца с распростертыми руками, под ладонями у него парили ангелы, а вот ниже, в разверзнутой тверди, можно было рассмотреть падших ангелов, подкладывающих щепы в костер, на котором стоял огромный котел, а из него торчали головы срамных грешников.

Особенно удачным Марсель считал подбор красок. Яркие, очень сочные, они разительно контрастировали между небесным сводом и землей. А хорошо выписанные лица придавали картине еще большую реалистичность.

– Ну, как? – заметно волнуясь, спросил Марсель, когда дед отошел от полотна.

– Сожги картину, – просто отвечал дед, – чтобы беды не принесла.

– Дед, что ты такое говоришь, – вскипел Марсель. – Я – художник! Эти картины – лучшие мои работы. Я даже не знаю, сумею ли я сотворить нечто лучшее за всю свою жизнь!

– Ты сотворишь лучше, если уничтожишь эти картины, – мягко убеждал его дед.

– Я не верю тебе! – закричал Марсель в отчаянии.

Старик оставался совершенно спокоен.

– Если ты не веришь мне, тогда пусть нас рассудят карты, – сказал он.

Дед никогда не расставался с картами для гаданий. Он искренне верил, что они унаследовали магию Древнего Египта. Засаленные, затертые до дыр, карты провели с ним едва ли не половину жизни, и доверял он им куда больше, чем собственным ощущениям.

Зная характер деда и то, что он не отстанет от него до тех пор, пока не разложит пасьянс, Марсель только пожал плечами и произнес:

– Давай, если желаешь.

Пальцы у старика были тонкие и длинные, с огромными пигментными пятнами. Кисти напоминали высохшие коренья, но карты он перемешивал ловко и слаженно, как если бы занимался этим делом всю жизнь. В общем-то так оно и было в действительности.

Дед гадал на старших Арканах. Так он поступал только в особых случаях, и сейчас, по его мнению, повод для этого был серьезный.

Первой картой выпала «двойка». Брови у деда слегка дрогнули, затем на стол легла «десятка», и, перетасовав карты еще разок, он вытащил из середины «безумца», помрачнев окончательно.

– Что ты скажешь? – потревожил Марсель вопросом пригорюнившегося деда.

– Первой картой у тебя идет «двойка», следовательно, твой шанс на успех невелик. Возможно, им даже не сумеют воспользоваться другие, чтобы помочь тебе. Карта эта проклятая. Вторая карта – «десятка». Это очень много! Значит, и преграды у тебя будут очень большие. Третьей картой тебе достался «безумец». А это говорит о том, что только ненормальный человек может взяться за такой заказ. – Дед собрал карты в колоду. – Тебе этого достаточно?

– Меня не удержат твои пасьянсы! – горячо отвечал художник. – Заказ мне сделал сам папа римский!

– Но я еще не сказал тебе главного, – с грустью проговорил старик. – Такой расклад карт означает только одно – смерть! И каждый человек, который притронется к этим картинам, обязательно умрет!

Марсель побледнел. После некоторого раздумья он произнес:

– Меня все равно это не остановит... Я выброшу твои карты! – Марсель в ярости ухватил колоду.

– Остановись, Марсель! – в ужасе поднял руки дед. – Если ты это сделаешь, ты тогда не проживешь и одного дня.

Художник застыл в центре комнаты с поднятой рукой, а потом почти безразлично бросил карты на стол:

– Забери их... Я покажу картины Луизе. – Марсель принялся сворачивать холсты. – Ты ничего не понимаешь в живописи. Луиза – умная женщина, она непременно оценит!

– Я бы тебе посоветовал не делать этого, – печально произнес старик. – От нее ты услышишь то же самое.

Будто и не дед сказал, а египетский сфинкс предостерег. Марсель перекрестился и вышел из дома.

Когда Луиза стояла у печи, то весь остальной мир для нее как бы переставал существовать. Она то наклонялась, демонстрируя невольному свидетелю свой гибкий стан, то, взяв в руки ухват, снимала с плиты раскаленный горшок. И Марсель подумал о том, что неплохо было бы запечатлеть ее на полотне именно такой. Момент следует выбрать наиболее удачный, когда она несет в руках горшок с вареной репой. Голова ее будет слегка приподнята, чтобы жаркий пар не опалил лицо, а полная грудь будет выгодно выдаваться вперед, причем руки будут обнажены по самый локоть, и каждый сможет увидеть ее прекрасные предплечья.

– Луиза, – нежно позвал Марсель.

Женщина встrepенулась, едва не выронив ухват.

– Ох! – облегченно вздохнула она. – Как ты меня напугал!

– Я бы хотел показать тебе свои картины.

Луиза удивленно посмотрела на мужа, а потом произнесла:

– Ты никогда не делал этого раньше.

– Я знаю, – виновато произнес Марсель, – но сегодня особенный день. Так ты хочешь взглянуть?

– Покажи, – неожиданно легко согласилась Луиза, вытирая руки о передник.

Марсель развернул полотно на столе, прижав края кухонными ножами. Некоторое время Луиза смотрела на холст молча, потом ее подбородок дрогнул, а из крупных глаз выкатились две слезы.

– Ты почему плачешь? – испугался Марсель.

Луиза вытерла пухлой ладошкой мокрые щеки, после чего произнесла:

– Я не думала, что ты способен на такую красоту.

Вот кто оценил его работу по-настоящему. Верно говорят, что женщины чувствуют сердцем. Как он был не прав, что не показывал ей своих работ раньше.

– Я еще и не на такое способен, дорогая, – скручивая холсты, отвечал Марсель. – Сам папа римский пустит слезу, когда увидит мои картины. Это только самое начало моей карьеры! Мы с тобой будем очень богаты!

– Но епископ еще даже не выплатил тех денег, которые обещал.

– Он никуда не денется, когда увидит мои картины, – торжественно произнес Марсель.

– А может, все-таки тебе не стоит показывать их епископу? – беспокойно спросила Луиза.

– Это почему же? – насторожился Марсель.

– У меня дурное предчувствие.

Отложив свернутые холсты в сторонку, Марсель обреченно опустил на стул. Что же это такое получается, – Луиза говорила о том же самом, что и дед! А может, дед с Луизой и вправду видят то, чего ему знать не суждено?

– Я – художник и получил от папы римского заказ. Ты даже представить себе не можешь, какая это великая честь! Не каждому художнику выпадает такой случай, проживи он хоть несколько жизней! А мне он достался, и я не намерен его упускать. А ведь я всего лишь в начале творческого пути. Если я откажусь от своего шанса, то меня просто будут называть глупцом. Мне уже сейчас многие завидуют!

– Может, поэтому тебе и не нужно показывать эти картины? – тихо произнесла Луиза.

Марсель вдруг почувствовал, что его первоначальная решимость заметно ослабевает. Если Луиза начнет настаивать и дальше, то у него не хватит духу противиться ей.

– Я должен показать людям эти картины, – твердо произнес художник. – Сейчас же! И не надо меня убеждать в обратном, – поднял он руки.

К епископу Марселя пропустили сразу, едва он назвал свое имя. Высокий монах, слегка приподняв широкий клобук, с интересом посмотрел в лицо юноши и вызвался проводить его до самой кельи иерарха. Остановившись у порога, он негромко постучал в дверь и на сдержанный вопрос епископа отвечал:

– Ваше преподобие, пришел художник с заказанными картинами.

– Пусть он войдет.

Убранство кельи было на удивление скромным. На каменной стене висело огромное золотое распятие. Вот и все украшение. Да и сам епископ выглядел до неприличия просто. Вместо золоченой сутаны обыкновенная грубая ряса, какую носили рядовые монахи. Если он чем и отличался от прочих монахов, так это двумя золотыми крестами, висевшими на его шее, сплошь усеянными многочисленными камнями. Оторвавшись от молитв, он поднялся с колен и легким кивком показал на единственный стул, что стоял подле ложа.

– Показывай, – коротко распорядился епископ, тяжеломерно присаживаясь на край постели. Лицо его выглядело серьезным, будто он не к созерцанию готовился, а к длительному посту.

В келье было сухо, но прохладно. По телу Марселя пробежал неприятный леденящий озноб – это уже от страха.

– Сейчас, ваше преподобие, – расшнуровал холст Марсель и осторожно, опасаясь повредить свежую краску, развернул полотна прямо на мраморном полу.

По углам комнаты были установлены два подсвечника, и желтое пламя, подрагивая, брызгало мелкими тенями на картины.

Эде де Сюлли встал с ложа и наклонился над полотнами. Марсель сумел рассмотреть молодое лицо епископа. Богатый, из очень знатного рода, он был баловнем судьбы. Не существовало на свете вещи, пожелав которую он бы не заполучил ее. Всматриваясь в изображение Страшного суда, он все более мрачнел. Морщины на его лбу лишь слегка разгладились, когда он перевел взгляд на Мадонну с необыкновенно простым и приветливым лицом. Такая женщина может быть обыкновенной крестьянкой или торговкой в небольшой лавке. Одновременно женщины с такими ликами встречаются и в королевских покоях. Она будет понятна всем – и ремесленнику, и королю.

– Вам не понравились мои картины? – с волнением спросил Марсель.

– Хм... как тебе сказать, – невнятно проговорил Эде де Сюлли. Он слегка откинул назад клубок и с большим интересом принялся рассматривать оробевшего художника. – Не то чтобы не понравились, – вымолвил он после некоторого молчания, – скажем так, они необычны. Прежде мне не приходилось видеть таких работ. Они очень реалистичные, что ли... Возможно, в этом их главная беда. Откуда ты подсмотрел сцены из Страшного суда? – напрямик спросил епископ.

Художник заметно колебался, стоит ли выдавать тайну, а потом признался, как на исповеди:

– Когда рисовал, то на меня снизошло прозрение. Приснилась она мне, эта картина. Утром мне оставалось только нанести увиденное на холст, как будто сам Господь меня надумил.

Епископ приподнял подбородок. Черты его лица были необыкновенно правильными, и служи Эде де Сюлли при дворе французского короля, то ввел бы в грех не одну фрейлину. Но епископ оставался верен Богу.

– Или дьявол, – совсем тихо добавил он.

– Так вам понравились мои картины? – восторженно спросил Марсель.

Епископ не ответил, лишь спросил, показав на Мадонну с младенцем:

– Эта женщина... что на картине, она существует в действительности?

– Эта женщина – моя жена, – в голосе Марселя появились горделивые нотки.

Оказывается, епископ был неплохим малым, и с ним можно было поговорить даже о дамах. И, судя по тому, что он обратил внимание на Мадонну, можно с уверенностью утверждать, что он, несмотря на святость и большую набожность, знает толк в женских прелестях.

– У тебя необыкновенно красивая жена.

– Это верно, – простодушно протянул Марсель, – особенно бюст. Когда она идет по Парижу, то все прохожие сворачивают шею, глядя на нее.

– Вот как?... Хотя все может быть, – внимательно посмотрел епископ на художника. – Но мне больше понравились ее руки, – с заметным жаром продолжил Эде де Сюлли. – Судя по всему, они необыкновенно нежные.

– Это вы верно заметили, ваше преподобие, – с некоторым подозрением посмотрел Марсель на епископа.

Заметив на себе любопытный взгляд художника, епископ продолжал:

– Такие руки были у одной моей знакомой.

Ничего удивительного, у епископа тоже когда-то была своя жизнь, в которой наверняка происходили романтические приключения.

– Все женщины по-своему красивы, – заметил художник.

– В этом ты прав, – негромко подтвердил священник.

– Если вам понравились мои картины, то я бы хотел получить за них полный расчет.

– Деньги? – удивленно вскинул брови епископ. – Ах, да, деньги!

Марсель выглядел слегка смущенным:

– Я – художник! Это мое ремесло.

– Ну, конечно, кто же будет спорить с очевидным. Но я бы хотел сказать вот что. Человек не способен создать такие реалистические картины, ему мог помогать в этом только дьявол.

Глаза епископа зажглись зловещим огнем. Все светское в нем мгновенно умерло, теперь перед Марселем сидел яростный религиозный фанатик. Было странно, что какую-то минуту назад он почти поверил в установившиеся между ними приятельские отношения.

Марселя охватил озноб. Сейчас епископ представлялся ему воплощением ужаса. Художник посмотрел на рясу священника. Она была необыкновенно грубой, холодной, такую обычно носят простые монахи. Отказавшись от богатства, епископ презирал и физические неудобства и даже в лютую стужу не надевал теплой рясы. Значит, все то, что говорили об Эде де Сюлли, было сущей правдой.

– Вовсе нет, – несмело оправдывался художник, – на меня сошло озарение. Это бывает.

– Все верно, так случается. Его тебе ниспослал дьявол, – холодно заметил епископ.

– Как же это может быть, если в это время я рисовал Бога? – искренне удивился художник.

– Странного здесь ничего нет, – просто отвечал иерарх. – Бес может принимать любое обличье.

– Это неправда! – воскликнул Марсель.

– Ты болен бесом, мой друг, его нужно изгнать, – ласково увещевал художника епископ. И, посмотрев на монаха, продолжавшего безмолвно стоять в дверях, произнес: – Проводи художника, а то он не найдет один дорогу.

– Ваше преподобие, как же так? – воскликнул Марсель. – Вам не понравились мои картины? Я могу нарисовать вам другие... Лучше!

Епископ уже не слушал Марселя, опустившись на колени перед распятием, он негромко стал читать молитву.

Руки у монаха оказались крепкими. Ухватив левой рукой за шею, а правой вывернув кисть, он уверенно вел Марселя по коридору. Спустились в подвал. В лицо дохнуло плесенью. Где-то совсем рядом мерзко и тонко пропищала огромная крыса, а у лестницы тускло горел фонарь, бросая копоть на серые отсыревшие стены.

– Вот это теперь твой дом! – втолкнул монах художника в одну из распахнутых дверей и с громким стуком задвинул засов.

– Я ничего не сделал! – барабанил кулаками в дверь художник. – Я рисовал картины для папы римского Иннокентия III, отпустите меня! Я ни в чем не виноват!

Монах приостановился, посмотрел через плечо на закрытую дверь и, перекрестившись, пошел вверх по каменной лестнице.

Старый подвал хранил в себе немало зловещих тайн.

* * *

Рамку для «Мадонны» епископ Эде де Сюлли распорядился заказать из мореного дуба. Темный цвет хорошо контрастировал со светлыми яркими красками, которыми было выписано

лицо женщины. Для сцены из Страшного суда подошла рама из липы. И светлый цвет лишь оттенял мрачноватые сцены потустороннего бытия.

Епископ отошел на несколько шагов и, прищурившись, осмотрел картины. У художника, несомненно, был великий дар, что признал бы даже самый предвзятый зритель. Ишь ты, а чертей-то каких нарисовал! Вместо глаз – полыхающие угольки, и взирали они с полотна так, как будто намеревались пошуровать в душе раскаленной кочергой. И вместе с тем картины выглядели настолько живыми, что казалось, будто котлы с грешниками установлены в углу монашеской кельи.

Стараясь отделаться от наваждения, Эде де Сюлли приблизился к полотнам вновь и провел по холсту рукой. Видение пропало. Под пальцами обнаружилась только неровная поверхность краски.

Черти с оскаленными физиономиями оставались все в тех же позах, а грешники с вытаращенными от ужаса глазами смотрели на своих мучителей.

Неожиданно во дворе послышался шум, и пронзительный женский крик потребовал епископа.

– Брат Себастьян, – повернулся епископ к монаху, стоящему в дверях, – иди узнай, что там происходит.

– Хорошо, ваше преподобие, – произнес, поклонившись, монах и тотчас удалился.

Через минуту он вернулся.

– Ну что там? – спросил епископ.

– Какая-то женщина просит вашей аудиенции.

– Чего она хочет?

– Она жена того самого художника, что приходил к вам сегодня утром.

– Ах, вот как! Хм... Значит, у меня имеется возможность сличить картину с оригиналом.

Зови ее сюда!

– Ваше преподобие... Мне неловко напоминать вам, но за время существования нашего монастыря его порог ни разу не перешагивала женщина, – попытался возразить Себастьян.

Епископ едва заметно улыбнулся:

– Неужели ты думаешь, что этой чести не заслужила женщина, запечатленная на картине в образе Мадонны?

– Нет, но...

– Вот видишь, брат Себастьян, – перебил монаха епископ, – зови ее.

Едва Луиза перешагнула порог кельи, как Эде де Сюлли сразу осознал, что в госте собрано все самое лучшее, чем Господь мог одарить женщину: высокая, пышногрудая, с необыкновенно свежим цветом лица, она производила впечатление смирения и кротости. Но особенно выразительны были ее глаза: огромные, слегка раскосые, будто нарисованные, они смотрели на окружающих с непроходящим укором. Только такой и могла быть Мадонна. И епископ подивился тонкой интуиции художника. Тьфу, тьфу, вовсе нет! Не иначе это промысел самого дьявола.

– Проходи, дочь моя, – негромко произнес епископ, протянув ладонь. Его взгляд остановился на покорных глазах женщины.

Оценив их глубину, епископ невольно смешался и смущенно убрал руку. Разве пристойно давать для поцелуя ладонь самой Деве Марии.

Луиза сделала несколько неуверенных шагов и застыла в центре кельи.

– Я по поводу своего мужа... Марсея, – нерешительно произнесла женщина. – Он рисовал две картины для папы римского. Вчера он их закончил, а сегодня утром пришел в монастырь, чтобы передать их вам. И больше домой не возвращался.

Ах да, ведь у Девы Марии тоже был муж... Епископ внимательно посмотрел на грудь стоявшей перед ним женщины. В этом случае беспорочным зачатием даже не пахнет – дух сладо-

страстия витал вокруг ее фигуры разрушающим смерчем. Всего лишь на одно мгновение Эде де Сюлли испытал любовное желание. Он крепко зажмурился, чтобы отделаться от наваждения. Его приятель Доминик в подобных случаях терзал собственное тело раскаленным железом. Епископ нащупал пальцами золотой крест и с силой сжал его в ладони. Острые камни врезались в ладонь, принося спасительное физическое страдание.

– Вы говорите, он художник? – спросил епископ, взглянув на ладонь.

На подушечках пальцев выступило несколько капелек крови.

– Да, его зовут Марсель, – так же взволнованно произнесла женщина, прижав руки к груди.

– Только у меня о нем совершенно другое представление. Мне так кажется... он знается с дьяволом, – спокойно объявил Эде де Сюлли, не сводя с женщины печальных ангельских глаз.

– Этого не может быть, – в ужасе вскрикнула женщина, – мой муж – честнейший христианин. Он очень богобоязненный человек, за свою жизнь он не пропустил ни одной воскресной службы.

Епископ скудно улыбнулся.

– Дитя мое, – произнес он тихим проникновенным голосом, – все очень просто. Ты любишь его и не можешь воспринимать иначе. А ведь бес имеет многие обличья. И это всего лишь одна из форм его проявления.

– Я не верю в то, что вы говорите! – в страхе отшатнулась Луиза.

Эде де Сюлли нахмурился.

– Ах, вот оно как! Ты подвергаешь сомнению слова епископа? – И уже мягче, как будто опасаясь оскорбить ее нечаянным словом, продолжал: – В его душе поселился дьявол, и ее нужно излечить. Тебе не стоит печалиться о нем, мы сами исцелим его. Ты очень красивая, молодая, ты непременно найдешь себе другого спутника жизни.

Луиза дерзко вскинула подбородок, и епископ невольно отшатнулся – видно, так смотрела Дева Мария, когда у нее отнимали сына.

– Ваше преподобие, а может, это в вашей душе поселился дьявол!.. – бесстрашно произнесла она.

– Женщина, остановись! – в страхе отшатнулся епископ.

– Может, это не мой Марсель слуга дьявола, а вы здесь все хриstopродавцы! – яростно воскликнула она.

Епископ сорвал с шеи крест и, подняв его высоко вверх, закричал:

– Изыди, сатана, изыди!

– Ты и есть самый настоящий дьявол, святой отец! – грозно наступала женщина.

Даже свечи в этот момент как будто запыхали ярче. Вспыхнувшее пламя осветило разгневанное лицо женщины, а над ее головой словно бы застыл нимб.

Епископ невольно перекрестился, освобождаясь от видения.

– Изыди, дьявол! Изыди!

Луиза и не думала останавливаться, она продолжала наступать, пока не загнала Эде де Сюлли в угол. Вжавшись в стену, он чувствовал горячее и яростное дыхание женщины, но глаза его предательски смотрели через распахнутый ворот прямо на высокую девичью грудь. Самое скверное было в том, что у основания шеи он заметил небольшую бледно-коричневую родинку, точно такую же, какая была у графини де Левек. Помнится, он любил целовать эту божью отметинку. Но все это было в другой жизни.

Сейчас ему хотелось сделать то же самое. Вот оно, искушение дьявола! Епископу едва хватало сил, чтобы не поддаться соблазну.

Впервые графиня де Левек отдалась ему – тогда еще почти девочкой – на отцовской конюшне, прямо на полу, под удивленными взорами лошадей. Отдалась страстно, самозабвенно, искусаив при этом до крови собственные губы. И Эде де Сюлли чувствовал, что эта вот

простолюдинка, так яростно наступающая на него, тоже способна на жаркие поцелуи. Если он сейчас вопьется губами в знакомую родинку... Епископ даже представил, как она обмякнет под его руками тряпичной куклой.

– Это ты дьявол! Ты!

– Себастьян! – закричал в голос Эде де Сюлли. – Забери от меня эту одержимую!

Дверь широко распахнулась, и верный Себастьян, ухватив Луизу за плечи, оттащил ее от перепуганного епископа.

– Что с ней делать, ваше преподобие? – спросил он уже от дверей.

Луиза остервенело вырывалась, но сильные руки монаха, как клешни морского краба, крепко держали ее за плечи.

– Тебе приходилось видеть дьявола? – неожиданно спросил епископ.

– Не доводилось, ваше преподобие, – после некоторого раздумья сделал признание монах.

– Тогда посмотри на эту женщину, – ткнул епископ перстом в Луизу. – Дьявол способен принимать и такое обличье. Она хотела искусить меня, вогнать в плотский грех. Ее место там, где находится другой дьявол, ее муж. Ты понял меня, брат Себастьян? – негромко, но настойчиво спросил епископ.

– Да, ваше преподобие, – отозвался монах, слегка наклонив голову.

* * *

Не дождавшись невестки, дед Филипп разложил карты. Раскладывать пасьянс было его любимым делом. Он гадал на все события и на все случаи жизни, и не было такого, чтобы карты слугавили хотя бы однажды. Свой карточный талант дед тщательно скрывал ото всех, подозревая, что он ниспослан ему самим Люцифером. Только одному ему по силам заглянуть в завтрашний день и с обнажающей прямоотой поведать о человеческом конце.

В этот раз дед Филипп гадал на младших Арканах. Он прибегал к ним всегда, когда хотел узнать судьбу конкретного человека. Перемешав карты, старик сложил их аккуратной стопкой и вытащил четыре карты, крестообразно разложив их перед собой. Первой картой считалась та, что находится слева; второй та, что расположена справа. Верхняя будет третья, а вот самая нижняя – четвертая. Важно не перепутать их между собой. От этого зависит весь исход гадания.

Закрыв глаза и прочитав короткую молитву, старик аккуратно перевернул первую карту. Выпал «отшельник» – одна из нелюбимых карт старика. Она означала, что человек, на которого он гадает, не боится превратностей судьбы, но вместе с тем ему следовало бы проявлять осторожность.

Следующая карта называлась «колесо судьбы». Выходит, что этот человек баловень судьбы. Возможно, так оно и было в действительности. Марселю всегда, где бы он ни находился, сопутствовала удача. Даже заказ папы римского следовало воспринимать как высшее благо.

Третья карта называлась «воздержанность». Она указывала на то, что Марсель был самодостаточной личностью. И это правда! Конечно же, он всегда добивался того, чего хотел.

Четвертую карту старик открывал с особым волнением, почти с опаской. Задержал взгляд на распятии. В этот раз лик Христа показался ему особенно скорбящим, и, набравшись должной решимости, он медленно перевернул карту. На истертой поверхности была изображена «богадельня». В точности такая же, что возвышалась неподалеку от Нотр-Дам. Одна из самых безобидных карт, она даже указывала на материальные блага. Вот только в комбинации разложенных карт она не сулила ничего хорошего и знаменовала грядущие трагические потрясения.

Худшего расклада невозможно было даже представить.

Старик замер, опасаясь пошевелиться. Он молча смежил веки, надеясь, что все это ему привиделось. Вот сейчас он откроет глаза и увидит вместо «богадельни» какую-нибудь другую карту. Но нет, все четыре масти были разложены на столе роковым веером и буквально вопили о неизбежной трагедии.

Существовал способ избавиться от неминуемого потрясения... Но для этого следовало сжечь карты, что означало бросить вызов мистическим силам и, значит, накликать беду на собственную голову. Старый Экзиль лишь усмехнулся. Он прожил немало лет и к грядущему небытию относился без надлежащего трепета, точно к стоптанной обуви, отжившей свой век.

Собрав карты в кучу, он швырнул их в полыхающую печь. Поначалу плотная бумага не желала гореть. Засаленные уголки всего лишь слабо тлели, испуская ядовитый темно-серый дым, вместе с которым в трубу уходила и колдовская сила. А потом карты вспыхнули все разом, стрельнув вверх бледно-голубоватым пламенем.

А когда бумага вся прогорела, старик зло пошуровал в печи кочергой. Остался один лишь тлен да злые угольки, сверкавшие красным цветом.

Старик не сразу сообразил, что это была карта. Перепачканная, с обугленными краями, она лежала рубашкой вверх. Это была судьба! И прочитать ее дано не каждому. Осторожно, будто опасаясь обжечься, он перевернул ее и тут же скривился, – на него, хитро смеясь, с прищуром взирал «дьявол».

* * *

Еще с утра глашатаи разбежались по Парижу и, заглядывая в каждый двор, извещали о предстоящем суде инквизиции. В обед, ближе к назначенному времени, перед Нотр-Дам стал собираться праздный люд. Монахи свозили на площадь дрова и укладывали их в аккуратные поленьицы. Плотники на самой вершине строения соорудили помост, на котором укрепили два огромных креста. А когда приготовления были завершены, стража вывела на площадь двух человек – мужчину и женщину.

– Дорогу! Дорогу! – выкрикивал стражник, шедший немного впереди, и для пущей убедительности размахивал по сторонам копьем, отвоевывая у толпы пространство для процессии.

В женщине не сразу можно было узнать хохотунью Луизу. Страшно осунувшаяся и почерневшая, она напоминала мумию. Плох был и Марсель. Его черная шевелюра выпвела едва ли не добела, а просторная рубаха висела на нем лоскутами, и через прорехи проглядывало худое тело.

Собравшийся люд напряженно загудел. У помоста Марсель приостановился, но стражник, шедший позади, подтолкнул его в спину копьем.

Место для епископа было сколочено сбоку. Опасаясь солнечного жара, он распорядился сделать длинный козырек и теперь прятал глаза от любопытных взоров. В высокой митре и в фиолетовой сутане Эде де Сюлли выглядел торжественным, как во время воскресной проповеди. Толпа в ожидании смотрела на него, полагая, что он коротким словом начнет суд.

Ожидания не оправдались. Подняв руку, епископ велел палачам начинать. Первым к кресту поднялся Марсель. Неторопливо и с большим знанием дела палачи сначала привязали к перекладине его руки, а после закрепили голени. Марсель, на мгновение потеряв сознание, повис на кресте, как если бы хотел отдохнуть перед дальней дорогой.

Следующей была Луиза. Палач, плотный мужчина в красной рубахе навывпуск, уверенно подошел к женщине и взял ее за руку. Луиза неожиданно отстранилась.

– Я хотела бы попрощаться со своим мужем. – Ее голос слышали даже в последних рядах.

Палач вопросительно посмотрел на ложу, где расположился епископ с остальными священниками. Прежде такого не случалось. Казалось, обескураженным выглядел даже епископ. Обреченные на смерть чаще всего бывали полностью сломлены. В их глазах читалось одно – привязывай да поджигай! А тут просьба! Эде де Сюлли удивленно повел бровями. Надо же, какие женщины иногда встречаются среди простолюдинок. С таким характером следовало бы родиться маркизой и принимать от восторженных рыцарей признания в любви.

Епископ лишь слегка согласно наклонил голову, и палач, отстранившись, предоставил Луизе свободу действий. Женщина подошла к Марселю, погладила по худой щеке и оставила на его губах целомудренный поцелуй. И почти с вызовом обратилась к палачу:

– Я готова!

– Крепись, дочь моя, – сдержанно посочувствовал палач. И, нагнувшись к ее уху, проговорил: – Я могу убить тебя сразу, ты только скажи мне. Полыхать живой в огне будет пострашнее.

– Я желаю разделить всю боль с моим мужем, – твердо отвечала женщина.

– Прости тебя Господь, – быстро спустился с помоста палач.

Неожиданно от толпы отделился высокий монах с золотым крестом на груди.

– Отец Артур, – пробежал зловеющий шепот по толпе.

Этот человек был известен всему Парижу. Именно он зачитывал решения суда инквизиции. Голос у него был тихим, а вида он был неприметного и очень смиренного. Но знающие люди рассказывали, что таким же заупокойным, смиренным тоном он приказывал палачам усилить пытки.

– По решению суда французской инквизиции и во славу Господа нашего Иисуса Христа еретики Марсель Экзиль и Луиза Экзиль приговариваются к сожжению на костре, – коротко объявил монах.

Все роли вокруг поленицы были строго распределены. В первых рядах стояли люди, наиболее отличившиеся перед церковью. Им полагалось свозить на место казни дрова. А за ними держались горожане уже не столь именитые, в обязанность которых вменялось подкладывать в огонь хворост. Третий ряд занимали еще менее заслуженные граждане – они могли подавать лишь хворост и щепы тем, что находились впереди них. В четвертом и пятом ряду выстроились те, кто своим усердием был замечен священной инквизицией и кто своими делами по выявлению еретиков способен был продвинуться в первые ряды.

С заметной завистью они взирали на тех, что стояли в непосредственной близости от сложенной поленицы и обладали наивысшим правом лично поджигать еретиков. А лучшие, с заметным высокомерием в глазах, ревниво следили за тем, чтобы ни одна из щеп, брошенных в костер, не прошла мимо их рук.

Четыре человека уже стояли с полыхающими факелами в руках и ждали соизволения брата Артура. Поджигать полагалось с четырех сторон, тем самым как бы обозначив крест, чтобы у дьявольской силы не было ни малейшего шанса выбраться из огненного круга. Люди, держащие факелы, были в особой чести у инквизиции. Епископ Франции каждого из них знал лично, а по воскресеньям допускал к своей руке, благословляя. Первые двое из них, Жан и Жак, работали в мясной лавке и прославились тем, что распознали ересь в проповедях бродячих монахов. Двое других проживали рядом с церковью Сен-Жермен-де-Пре. Один держал цветочную лавку, а другой просил милостыню у ограды церкви. Но оба ревностно стояли на страже религиозных догм и нашептывали святой инквизиции на всякого неблагонадежного.

На счету у славной четверки было не менее двух десятков еретиков. Церковь с донощиками расплачивалась щедро, из имущества казненных, каждый из них мог считать себя состоятельным человеком.

А бродягу Клода, собиравшего милостыню у церкви, можно было назвать королем нищих. Когда он протягивал руку за очередным подаянием, то на его запястье сверкал широ-

кий золотой браслет с изумрудами, а грязную шею украшал крест, усыпанный крупными бриллиантами. Нищий любил говорить о том, что крест ему пожаловал сам епископ за выдающиеся заслуги перед церковью, но парижане знали, что действительность выглядела куда более неприглядно. Три месяца назад был предан костру ростовщик Матвей, у которого в должниках числилась едва ли не половина Парижа, а Клод, проходивший по этому делу свидетелем, выпросил у епископа в качестве вознаграждения золотой крест.

Клод не был беден и вполне мог вести образ жизни преуспевающего горожанина. Многие ремесленники в сравнении с ним и вовсе выглядели неимущими, но попрошайничество, сделавшееся смыслом его существования, не позволяло мыслить как-то иначе.

Брат Артур посмотрел на епископа. Тому следовало давно бы подать знак, но он отчего-то медлил.

Неожиданно Марсель что-то произнес. Брат Артур невольно воззрился на распятых еретиков.

– Еретики хотят покаяться в своих прегрешениях перед Господом Богом, – обратился он к застывшей толпе. – Мы слушаем тебя, – в голосе монаха послышалась терпимость.

– Я никогда не видел Париж с такой высоты, – хрипло сказал художник. – Он очень красив. Жаль, что мне не придется нарисовать увиденное... Ты слышишь меня, дед?!

Епископ слегка наклонил голову, давая разрешение на казнь, и брат Артур, прерывая предсмертную исповедь еретика, распорядился:

– Поджигайте!

Почти одновременно четверо мужчин сунули факелы в сухую солому, которая, яростно затрещав, принялась выбрасывать в небо языки пламени. Огонь, распалаясь, свирепствовал все более. Сначала он обжег лицо Марсея, заставив его взвыть от боли, а потом сорвал с Луизы платье, безжалостно и бесстыдно обнажив ее истерзанное тело. А потом, видно устыдившись собственного бесчестия, укутал ее красивую фигуру густыми клубами желтого дыма, спрятав ее от злорадных взглядов.

Уже через полчаса все было кончено. На обгорелых крестах, стянутых стальной проволокой, остались висеть два обугленных дымящихся трупов.

* * *

Старый Экзиль подъехал к кострищу далеко за полночь. В этот час собор Нотр-Дам казался особенно угрюмым. В окнах на втором этаже горели свечи, и красные блики, пробиваясь через матовые стекла, падали смутными отсветами на оскалившиеся морды застывших каменных химер. Сейчас они выглядели живыми и с высоты многометрового величия посматривали на спящих внизу людей как на никчемных насекомых.

Стражи у кострища уже не было. Парни ушли два часа назад, чтобы пропить заработанные деньжата в ближайшей таверне. Не опасаясь быть узнанным, старик поднялся на пепелище, скорбя, склонился над внуком и принялся раскручивать на обугленных запястьях проволоку. Потом снял мертвеца с перекладины и, почти невесомого, бережно отнес в телегу.

Следующей была Луиза.

На правой ее кисти он разглядел серебряный браслет с несколькими гранатами. Странно, что никто из стражи не позарился на столь красивую вещь. Правда, вот камушки растрескались от жара, да металл заметно оплавился.

Скорее всего, видели, но не забрали из суеверия.

Бережно, как если бы Луиза была всего лишь ранена, старик поднял ее и уложил рядом с мужем. Пусть и после кончины они будут неразлучны. И, взяв лошадь под уздцы, Экзиль поехал в сторону кладбища.

Могилу он вырыл загодя, сразу за оградой. Таких захоронений здесь было несколько – все без крестов. Еретики, одним словом. Дно могилы он укрыл пышным лапником, а сверху постелил мягкую материю, чтобы лежать в земле им было не жестко. Взяв под руки Марсея, осторожно уложил его в яму. Подумав, снял с себя рубаху и бережно укрыл ею внука, так-то оно поуютнее покоиться будет, – и, прочитав молитву, стал засыпать его землей.

Могила для Луизы удалась. Она получилась глубокой, с гладко выровненными стенами. У внука не столь хороша. Оно и понятно, сначала ведь для невестки старался, а потом подустал малость, силы-то не беспредельные. Но ничего, внучок в обиде не останется, кроме еловых веточек еще и досок ему подложил.

Луиза была невесомой. При жизни она такой не казалась. Старик бережно уложил обугленные останки на грубый холст, постоял немного, прочитал молитву и, поплевав на ладони, принялся засыпать могилу темно-коричневым суглинком.

Откуда-то из темноты вышла бродячая псина. Сверкнула на старика зелеными глазами и, глухо прорычав, затрусила в глубину кладбища.

Старик Экзиль достал заготовленный мешочек и сыпанул в него по горстке земли из каждой могилы. И, закатив глаза, сделал нехитрый наговор. А потом, подхватив лопату, устало пошел к заждавшейся лошадке.

* * *

Двери собора Нотр-Дам, несмотря на поздний час, были открыты. Оно и понятно, разговор с Богом может быть безотлагательным, – чего же тогда выстаивать перед закрытыми дверями!

По обе стороны от входа полыхали факелы, бросая рваные густые тени на брусчатку. Монах перекрестился на распятие и, натянув клобук на самый нос, вошел в храм.

– Это ты, брат Филипп? – послышался голос настоятеля из глубины храма.

– Да, отец Поль, – отвечал вошедший, – пришел помолиться. Не спится мне.

– И меня сон не берет, – признался аббат. – Все на картины смотрю, – показал он взглядом на полотно, с которого, застыв в красках, смотрела Луиза. – За еретиков прошу перед Господом, как-никак – божьи дети. Епископ велел пока здесь картины повесить, у алтаря, пускай весь город посмотрит. Ну да ладно, молись себе, пойду я! – вздохнул настоятель и пошел в келью.

Оставшись в одиночестве, старый Экзиль убрал с лица клобук, снял полотно со стены. С минуту он созерцал красивые девичьи черты, потом отцепил от пояса небольшой мешочек с красками и на обратной стороне холста уверенно нарисовал грифона.

* * *

Иннокентий III разглядывал картины уже добрый час. Он то отходил на значительное расстояние, то вдруг подходил почти вплотную. Даже разок попытался притронуться ладонью к кипящим котлам, но, будто испугавшись огненного жара, немедленно отдернул руку.

Такое же сильное впечатление на него произвела и Мадонна с младенцем на руках. В ней сочетались одновременно величие и простота. Именно такой и должна быть родившая Христа.

– Я не ошибся, у этого художника действительно громадный талант, – наконец вымолвил Иннокентий III. – Он настолько огромен, что я бы подумал, будто он ниспослан ему самим дьяволом. Вы расплатились с ним сполна? – повернулся папа римский к епископу, стоящему в почтительном молчании.

– Да, ваше святейшество, – слегка наклонил голову Эде де Сюлли. – Не извольте беспокоиться.

– Эти картины достойны того, чтобы рыцари несли их во главе всего воинства. Завтра я их вручу полководцу, который поведет в Крестовый поход наше рыцарство.

И он слегка кивнул, давая понять, что аудиенция завершена.

В Париж Эде де Сюлли возвращался в прекрасном расположении духа. В который раз он сумел доказать свою преданность папе римскому и сделаться чем-то вроде посредника между французским королем и его святейшеством. Филипп II просил передать папе письмо, а на словах добавить, что он раскаивается в содеянных грехах и нижайше просит его благословения.

Во время аудиенции Эде де Сюлли ловил на себе завистливые взгляды священников, – никто из них не удостоился столь долгого общения с его преосвященством. Не исключено, что в следующий раз он прибудет в Рим уже в качестве кардинала. Неожиданно Эде де Сюлли сделалось нехорошо.

– Скажи, чтобы остановили карету, – обратился епископ к прислужнику. – Я хочу пройти пешком.

Монах дернул за веревку, и снаружи заливисто зазвучал колокольчик, давая команду остановиться. Поддерживаемый монахами, епископ вышел из кареты. Ему стало совсем худо.

...За тысячу миль от остановившейся кареты старый Экзиль творил свою ворожбу. Вылепив восковую фигурку, он нарядил ее в одежду епископа. Посадив ее на стол, он достал из мешка землицы, собранной с могилы внука и невестки, и стал сыпать ее на голову куклы, приговаривая:

– Пусть беда войдет в тебя через глаза, пройдет через голову и поразит твое сердце. Дьявольские силы, помогите мне в этом!..

Эде де Сюлли приостановился. Силы совсем покинули его.

– Я хочу присесть, – попросил епископ.

– Ваше преподобие, мы сейчас принесем стул, – произнес один из монахов.

– Не надо... брат Артур, – отвечал епископ, – думаю, мне это будет ни к чему. Поддержите меня...

– Ваше преподобие, – негромко произнес брат Артур. – Вы испачкаете сутану.

Эде де Сюлли вдруг осознал, что сделался необычайно старым, а вместе с прожитыми годами приходит мудрость.

Улыбнувшись, епископ произнес:

– Если бы ты знал, какая это мелочь.

Поддерживаемый монахами, он опустился на траву прямо посередине поля, и высокие ромашки спрятали Эде де Сюлли с головой...

Старый колдун взял щепотку землицы и просыпал ее на стол, после чего осторожно уложил на нее восковую фигуру, бережно сложив на животе руки...

– Не усидеть мне, – сообщил епископ обступившим его монахам. – Положите меня на землю.

Монахи поддержали священника за плечи и аккуратно уложили его на душистую траву.

– Что же это со мной такое? – удивленно проговорил епископ, совсем ослабев.

Эде де Сюлли подумал о том, что не ложился на траву с раннего детства. И почти забытые ощущения вдруг вернулись к нему сейчас, когда он уже стоял у последней черты. А с земли даже самый малый предмет выглядит величественно. Жаль, что у него не было случая убедиться в этом раньше. Глядишь, и понимал бы чернь, что большую часть жизни простаивает с задранной головой. Неожиданно вспомнился брат Доминик, – не отличавшийся высокой ста-

тью, сейчас он представлялся епископу почти гигантом. Доминик говорил о том, что хотел бы создать свой орден. Орден праведников. Пусть ему благоволит удача.

А на небосводе, меняясь и принимая формы сказочных зверей и птиц, проплывали кучевые облака.

«Уж не дьявол ли отправляет свои послания!» – поежился от ужаса умирающий епископ.

Осторожно сыпанув земли из мешочка на восковую фигурку, старый колдун ткнул шилом прямо в грудь кукле и зло прошипел:

– Умри!

Епископ Эде де Сюлли дернулся и расслабленно вытянулся во весь рост...

Старик Экзиль взял мешочек с землей и аккуратно завязал его. Землицы оставалось ровно половина.

Глава 6

Надеюсь, меня не подозревают?

Судя по апартаментам мсье Дюбаи, напрашивался вывод, что покойник любил жить шикарно. Интерьеру и богатой обстановке его жилища мог бы позавидовать даже Людовик XIV. Но больше всего поражали картины, которых здесь было не менее сотни, и если не знать того, что находишься в доме эксперта, то запросто можно было предположить, что перешагнул порог какого-то крупного европейского музея. Все картины были выполнены мастерски, в разных стилях, за каждой из них, безусловно, чувствовалась серьезная художественная школа. Одна комната, если судить по краске, забрызгавшей пол, представляла собой мастерскую. Все это выглядело очень странно. Судя по тому, что знал о Дюбаи Савелий, эксперт слыл собирателем и ценителем шедевров, но совсем не умел рисовать. Подобный факт можно было объяснить только старческой болезнью, сродни той, когда старики, ощутив приближение конца, начинают круто менять свою размеренную и устоявшуюся жизнь. Люди, никогда не рисовавшие, берутся за кисть; лишенные слуха пытаются сочинять музыку, а те, что всю жизнь избегали женщин, начинают волочиться за красотками, которые запросто годились бы им во внучки.

Но интуиция подсказывала Савелию, что здесь было другое. Возможно, разгадка находится где-то рядом, стоило только подумать, где. Взяв свечу, он подходил к каждой из картин и внимательно подолгу всматривался в сюжеты. Бесспорно, каждому холсту не менее трех сотен лет. Краски заметно растрескались, и в трещинах скопилась пыль времен. У одной из картин Савелий задержался, – его внимание привлекла Мадонна с младенцем. Лицо ее было выписано до мельчайших деталей, как если бы художник знал ее лично. Может быть, от этого оно выглядело необыкновенно притягательным. Простота эта гармонировала с исключительным мастерством художника. Интересно, кто же запечатлел такую красоту?

Савелий наклонился, пытаясь рассмотреть подпись, но она была неразборчивой.

Неожиданно он услышал за дверью шорох. Не такой, какой бывает, когда человек безбоязненно приходит к себе домой, а такой, когда он пытается тайком проникнуть в чужое помещение. Вот неизвестный вставил ключ в замочную скважину. Малость пошуровал им в замке. И вновь тишина. Видно, незнакомец прислушался и, убедившись в безопасности, принялся более уверенно действовать дальше.

Осмотревшись, Савелий заметил в углу складную ширму и, мгновенно спрятавшись за ней, осторожно выглянул.

Замок поддался с легким щелчком. Дверь слегка приоткрылась, и в проеме появился человек в темном костюме. В руках он сжимал пистолет. Стараясь не шуршать, Савелий вытащил из кармана «браунинг» и продолжал наблюдать за гостем. Осмотревшись и, видимо, удостоверившись в собственной безопасности, вошедший сунул в карман сюртука пистолет и вытащил свечу. Установив ее на столе, незнакомец чиркнул спичкой. Яркое пламя осветило нежданного визитера, и Савелию почудилось в его облике что-то знакомое. А вот усы незнакомца были явно наклеены.

Он уверенно прошел в глубину комнаты, как человек, бывавший здесь не однажды. Заглянул в шкаф, нервно порывшись в вещах, потом открыл тумбочку. Разочарованно захлопнул ее. Отодвинул диван, заглянул под него. Равнодушным взглядом скользнул по развешанным на стене картинам и остановился напротив Мадонны, которую Савелий разглядывал всего лишь минуту назад. На некоторое время домушник попал под обаяние полотна, не в силах оторвать восторженных глаз от него. А потом уверенно снял холст со стены и, завернув в заготовленную тряпицу, направился к выходу.

Дверь захлопнулась.

Савелий усмехнулся. Нежданный гость так торопился, что забыл даже задуть свечу. Впрочем, какая теперь разница! Что же он такое искал?

Савелий подошел к шкафу, потянул на себя дверцу. Откуда-то сверху повалились вещи, грузно упал на пол куль тряпья. Порывшись в нем, Савелий не обнаружил ничего, что было бы достойно внимания. Но интуиция подсказывала ему, что тайна находится где-то поблизости. На полках то же самое – вещи, пропахшие нафталином, пара вязаных перчаток, несколько носовых платков да мятые брюки, небрежно свернутые в ком. Пожалуй, и все.

Савелий Родионов выдвинул ящик комода. Ничего! Если, конечно, не считать нескольких нелепых безделиц. Одна из них изображала располневшего Будду. По поверьям, такая статуэтка должна приносить богатство и удачу. Судя по тому, что произошло с Дюбаи, ему так и не удалось достичь благосостояния, да и удача от него отвернулась.

Случается и такое. Статуэтка была небольшой, но довольно увесистой. Савелий слегка встряхнул ее. Что-то его привлекло в ней. Ладно, разберемся позже. Он сунул безделушку в сумочку, где хранил отмычки, и задвинул ящик комода.

Родионов прильнул к окну и увидел, как незванный визитер перешел на противоположную сторону улицы. Не теряя ни секунды, Савелий выскочил за дверь и устремился следом.

Молодой человек уверенно расположился в остановившейся пролетке и распорядился:

– Трогай, голубчик!

Савелий вскочил в проезжавший следом экипаж и крикнул кучеру:

– Езжай за той пролеткой! Плачу вдвое!

– Как скажете, мсье, – обрадованно взмахнул вожжами кучерявый малый. – Эх, люблю я этих русских. Им денег девать некуда!

Проехали через центр. Миновали площадь Согласия и выехали в Латинский квартал. Здесь ночной визитер решил отпустить экипаж. Расплатившись, он сунул картину под мышку и уверенно пошел по улице.

– Держи! – сунул Савелий пятьдесят франков – сумму, в несколько раз превышающую обычный тариф, и, стараясь держаться в отдалении, последовал за похитителем картины.

Кучер, на минуту ошалеv от неожиданного богатства, только непонимающе хлопал ресницами, а когда наконец пришел в чувство, заорал на весь квартал:

– Мсье, если вы надумаете еще раз прокатиться, так обращайтесь только ко мне. Обычно я стою подле Гранд-опера!

Не оглядываясь и стараясь держаться в тени, Савелий следил за удаляющейся фигурой. В одном месте тот приостановился. Вдруг от стены одного из домов отделился темный силуэт и направился следом за усатым незнакомцем.

Это могла быть всего лишь случайность, но выходить из укрытия Савелий не торопился. Вот мужчина перешел на противоположную сторону, и следом за ним, практически ступая шаг в шаг, устремился джентльмен с тростью. На мгновение он обернулся, видно, чувствуя недобрый и заинтересованный взгляд. В этот же миг обернулся и похититель.

Савелий обомлел. Он узнал этого человека, тот был доверенным лицом графа д'Артуа. Именно его Савелий видел несколько дней назад в разных концах города. Если раньше эти встречи можно было бы назвать случайностью, то в эту минуту развеялись все сомнения. Человек этот помогал графу добывать редкие полотна, договаривался с владельцами картин, оформлял документы...

Вот он, мельком оглянувшись, юркнул в подъезд. Савелий успел заметить, как человек с тростью мгновенно отвернулся. А потом, взглянув на номер дома, направился прочь, победно размахивая тросточкой.

Савелий не торопился, подождал, пока джентльмен с тростью скроется за углом, после чего направился в сторону подъезда. Где-то на верхних этажах громко хлопнула входная дверь, а внизу ворчливо и злобно затыкала какая-то шавка.

Может, оно и к лучшему. Савелий заметил, как в одном из угловых окон на последнем этаже вспыхнул свет, а еще через секунду в проеме окна появился отчетливый силуэт, в котором он без труда узнал слугу графа. Свет в окне тут же погас. Савелий достаточно долго вглядывался в окно, но домошник не обнаруживал себя. Странно, куда же он мог деться? Савелий стал осторожно подниматься по ступеням. Лестница была винтовой, узкой и к тому же плохо освещенной. В длинных коленчатых коридорах с трудом могли разминуться два человека. На одном из этажей он услышал громкий смех – ночная жизнь Парижа продолжалась. Где-то в дальнем конце коридора громко хлопнула дверь, и чей-то громкий голос возликовал:

– Иди ко мне, моя милашка!

Послышалось негромкое хихиканье, затем раздался протестующий негромкий возглас, который тут же был заглушен, надо думать, продолжительным сочным поцелуем.

Поднявшись на последний этаж, Савелий осмотрелся: у него не исчезало ощущение того, что за ним кто-то наблюдает. Осмотревшись, он не обнаружил ничего подозрительного, вот только одна из дверей была слегка приоткрыта. Возможно, это всего лишь случайность. Савелий прошел дальше по коридору, остановился напротив той комнаты, в окне которой он видел силуэт незнакомца. Посмотрев по сторонам, вытащил отмычку. Дверь открылась легко, без всякого усилия, стоило лишь поторкаться в ней отмычкой. Достав «браунинг», он прошел в квартиру. В комнате царил полумрак, в котором слабо проступали очертания мебели. Никто не кидался на него с отчаянным воплем, пытаясь сбить с ног, не было желающих наставить в висок ствол пистолета. Совершенно ничего настораживающего.

Родионов вышел на середину комнаты. Достав зажигалку, чиркнул кремнем. Пламя осветило стены, потолок, мерцающими бликами оно заглянуло даже в дальние углы комнаты.

Что это?

Савелий мгновенно напрягся. Нет, не показалось. Из-за кресла выглядывала ступня. Родионов подошел поближе и увидел усатого мужчину, неловко лежащего на боку. Одна нога вытянута во всю длину, а другая, согнутая в колене, едва не упирается в подбородок. Руки разбросаны в стороны, лицо уткнулось в пол. Из виска сочилась кровь, уже образовав вокруг головы заметную лужу. Мужчина будто бы изготовился к бегу, но вот такая неожиданная неприятность, как смерть, заставила его отказаться от задуманного. Доверенный графа приказал долго жить.

Внизу громко хлопнула дверь, Савелий подошел к окну, слегка отодвинул занавеску и увидел удаляющегося по улице человека. В руках тот держал какой-то предмет, напоминающий свернутую картину. Он шел быстро, опасливо озираясь по сторонам. Стремительно свернул за угол и исчез.

Внутри у Савелия похолодело. Не хватало только, чтобы сейчас нагрянула полиция. Осторожно ступая, он подошел к двери. Прислушался. В коридоре было пустынно, если не считать модной мелодии шансона, раздававшейся откуда-то с нижних этажей. Но это не страшно. Приоткрыв дверь, он быстро выскользнул в коридор и походкой праздного гуляки направился к лестнице. Уже взявшись за перила, Родионов услышал, как за спиной, в дальнем конце коридора, осторожно распахнулась дверь. Савелий почувствовал на себе чей-то очень внимательный, изучающий взгляд. Он приостановился. Очень хотелось повернуться, но, преодолев искушение, Савелий стал беззаботно спускаться по лестнице, насвистывая какую-то праздную мелодию. Уже спустившись на один пролет, он услышал, как дверь так же осторожно закрылась.

Тут же громко хлопнула входная дверь, и тотчас по металлическим ступеням раздалась бойкая дробь тяжелых каблуков. Савелий посмотрел вниз и увидел, как четверо полицейских, с пистолетами в руках, быстро поднимаются по лестнице. В подобные случайности Родионов давно не верил. Отпрянув, он быстро пошел по коридору. Дернул на себя одну дверь – заперта. Другую – тоже закрыта! В третьей повезло. Распахнув ее, он увидел в крохотной комнате четы-

рех ярко накрашенных девушек. Та, что сидела ближе всех, была немного постарше остальных, но все еще хороша собой. Савелий озадаченно осмотрелся – похоже, что он угодил прямоком в бордель. Латинский квартал был местом недорогим, здесь проживали студенты. Денег у них было немного, но даже при самом мрачном безденежье они всегда оставляли горсточку франков и на собственные удовольствия. Кроме того, входя в их положение, милые дамы могли обслужить иного студента со значительной скидкой.

Барышни в ожидании устали на Савелия. С первого взгляда они угадали в нем человека состоятельного, забежавшего в захудалый бордель, чтобы заполнить душу, избалованную светскими излишествами, новыми ощущениями. Будет что потом рассказать своим приятелям в аристократических салонах.

В коридоре раздались решительные шаги.

Полиция!

Савелий слышал, как полицейские проделывали точно такой же путь, каким он шел всего несколько минут назад. Вот торкнулись в первую дверь – закрыто. Затем во вторую – из-за двери раздался сдержанный смешок. И вот сейчас должны войти в эту комнату.

Савелий решительно притянул к себе мадам и страстно поцеловал ее в губы. Дверь с шумом распахнулась. Савелий затылком почувствовал две пары заинтересованных глаз. В этот момент мадам в его объятиях заметно сомлела и, приоткрыв рот, попыталась достучаться до него языком. Савелий не имел привычки возражать женщинам. Он слегка разжал зубы и тут же почувствовал, как острый язычок, глубоко проникнув вовнутрь, обласкал его небо. Савелий ответил ей такой же страстью и ощутил, как мадам в его руках куда-то поплыла, а потом растаяла, как плавленный воск. Еще минута подобной страсти – и ее придется лепить заново.

От дверей послышался одобрителный смешок. А потом молодой и задиристый голос произнес:

– Жаль, что мы на работе, а то бы с удовольствием присоединились к этому господину. – Сделав многозначительную паузу, голос добавил: – Да и девочки, похоже, не против.

Дверь с шумом захлопнулась, а затем послышались удаляющиеся шаги. Савелий, чуть отстранившись, прервал затяжной поцелуй и, улыбнувшись, сказал:

– Мадам, вы были необыкновенно хороши!

Женщина выглядела слегка обескураженной.

– И это все, на что вы способны? Я ждала от вас несколько большего. Прошу вас, не разочаровывайте меня, – в ее словах послышалась почти мольба.

Савелий уже распахнул дверь. Девушки смотрели на него с интересом, а одна из них, худощавая, с высокой соблазнительной грудью, слегка откинула на диване покрывало – верный признак того, что он ей приглянулся, и она совсем не прочь углубить знакомство.

– Я вас непременно навещу в следующий раз, – пообещал Савелий, слегка приподняв шляпу.

– Боже мой, какой клиент! Какой клиент! – удаляясь, услышал Савелий из-за прикрытой двери.

Быстро спустившись по лестнице, он остановил проезжавшую мимо пролетку и приказал:

– Давай, голубчик, гони на Елисейские поля, да побойчее. Плачу по тройному тарифу.

– Узнаю щедрого господина! – возликовал кучер. – А вы меня не помните? Я ведь тот самый кучер, что вас подвозил сюда.

Всмотревшись в лицо возничего, Савелий узнал его. – Помню, – глухо проговорил Савелий. Памятливость кучера ему не понравилась. – Да и я тебя, милоч, узнал, больно ты на разбойника смахиваешь. Так что советую не баловать.

Кучер в ответ неприятно расхохотался.

* * *

– С той квартирки-то вы съехали, и мне пришлось немало потрудиться, чтобы отыскать вас. Кстати, я вас не потревожил? – вежливо спросил комиссар, перешагивая через порог.

– Ну что вы! – попытался сохранить Савелий доброжелательность. – Я всегда рад гостям. Особенно таким почетным, как вы.

– Я несказанно тронут вашим гостеприимством, – заулыбался толстяк. – Просто я подумал, что сейчас утро, может быть, у вас имеются какие-то дела, а я тут, понимаете ли, со своими ранними визитами.

– Как же, как же, – жизнерадостно протянул Савелий. – Я просто не могу нарадоваться вашему визиту. Прошу в дом, господин комиссар.

– А вы хулиган, господин Родионов, – улыбнувшись, проговорил Лазар.

– С чего вы взяли? – очень искренне удивился Савелий, пропуская комиссара вперед.

– С чего?.. А с того, что я слышу в вашем голосе сарказм. Признайтесь, правда ведь? – сверлил комиссар Родионова изучающим взглядом.

– Ну, разве только самую малость, господин комиссар, – с улыбкой отозвался Савелий.

– Что вы мне все господин комиссар да господин комиссар. Как-то уж все официально получается... Зовите меня господин Лазар. Устраивает?

– Вполне. Присаживайтесь сюда, господин Лазар. Вам удобно? Вот и славно. И только, ради бога, не пеняйте на убогость обстановки!

Осмотрев долгим взглядом комнату, Жан Лазар лишь иронично похмыкал:

– Однако вы, господин Родионов, явно скромничаете. У вас прекрасный дом. – И с некоторой заинтересованностью спросил: – Он, наверное, стоит очень больших денег?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.